

ПЬЕР ЖИЛЬЯР

ТРАГИЧЕСКАЯ
СУДЬБА
РУССКОЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
ФАМИЛИИ

ПЬЕР ЖИЛЬЯР

**ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА
РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ
ФАМИЛИИ**

Воспоминания
бывшего воспитателя
Наследника Цесаревича Алексея Николаевича

ПОСЕВ

(Перевод с французского)

Впервые опубликовано в парижском журнале «L'Illustration»
в номере от 19 декабря 1920 г.

Possev-Verlag, V. Gorachek KG., 1973
Frankfurt/M.
Printed in Germany

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Не знаю, ни когда это будет, ни как совершится, но настанет день, — и это без всякого сомнения, — когда достигшая крайнего предела жестокость, точно сама истекая кровью, ужаснет человечество... Тогда в воспоминании об этих жертвах человечество найдет непреодолимую силу для своего возрождения.»

Эти пророческие слова были написаны Пьером Жильяром, воспитателем цесаревича Алексея Николаевича, в заключение к его воспоминаниям: „Le tragique destin de Nicolas II et de sa famille“ par Pierre Gilliard, Paris 1921.

И пророчество его оправдывается. Ибо, — и это тоже без всякого сомнения, — в убийстве царской семьи была уже заложена «достигшая крайнего предела» жестокость грядущей сталинщины с ее уничтожением миллионов крестьянских семей, ликвидацией кулачества как класса, маленькими и большими павликами морозовыми, чистками, показательными процессами, «врагами народа» и «семьями врагов народа». В крушении Российской Империи умный и добрый француз уже в 1920 году сумел рассмотреть грядущую империю ГУЛАГа; в подвале Ипатьевского дома — подвалы Лубянки и Лефортова; в Коптяковской поляне — захоронения Винницы и Катыни; в постановлении Уральского совета — шемякин суд «троек» и спецколлегий.

Расстрел, произведенный на том основании, что «чехословацкие банды угрожают красной столице Урала — Екатеринбург», нельзя квалифицировать иначе как бессудное убийство. А сообщение в том же постановлении Уральского совета, — «семья Романова переведена из Екатеринбурга в более безопасное место», — было уже по-сталински наглой ложью: не только семья, но и доктор Боткин и трое человек прислуги были ликвидированы вместе с царем.

Так 17 июля 1918 года гибель семьи из отца, матери, четырех девушек и четырнадцатилетнего подростка, гибель семьи Романовых, стала прологом сталинского террора; царевубийство — прологом народоубийства.

Французский журнал „L'Illustration“, в номере от 18 декабря 1920 года, впервые опубликовавший воспроизводимый здесь текст, сообщил об авторе следующее:

«Пьер Жильяр — швейцарец по происхождению, в 1904 году окончил университет в Лозанне, после чего был приглашен в Петербург, в качестве преподавателя французского языка малолетнему герцогу Сергею Лейхтенбергскому, родственнику императора. В следующем году он был приглашен преподавать уроки французского языка великой княжне Ольге Николаевне, имевшей в то время 10 лет и Татьяне Николаевне, которой было 8 лет отроду. В 1913 году он стал преподавателем французского языка наследника цесаревича Алексея Николаевича, которому исполнилось тогда 9 лет. Его официальное звание было — «состоящий при

воспитателе наследника цесаревича», — но так как воспитатель назначен не был, то Пьер Жильяр фактически исполнял его обязанности. Он жил во дворце и проводил весь день с семьей императора. Во время происшедшей в феврале 1917 года революции он находился в Царском Селе. Временное правительство, решив содержать царя и его семейство в заключении, предложило лицам, их окружавшим, в течение 24-х часов покинуть дворец или добровольно подчиниться заключению. Пьер Жильяр избрал последнее. В конце июля Керенский сообщил ему, что царь с семейством будет переведен в другую местность. Он выслушал и заявил, что поедет с ними. Дальше видно будет, как он сопровождал семью Романовых в Екатеринбург. Если впоследствии он был с ними разлучен, то это не по его вине. Только благодаря этому насильственному разлучению, он и остался в живых.»

Разумеется, записки Пьера Жильяра, заключительные главы которых мы перепечатаваем с небольшими сокращениями, по ныне редчайшему ревельскому изданию 1921 года, всего лишь один из источников по истории последнего царствования. Но он драгоценен своей исключительной простотой и искренностью и уникален тем, что из всех, кто делил заключение с царской семьей, Жильяр единственный остался в живых и написал мемуары.

Воспитанный в буржуазной республиканской Швейцарии, учитель французского языка Пьер Жильяр, — и это красной нитью проходит сквозь

все его изложение, — чем дальше тем больше привязывался к царской семье, в которой тринадцать лет прослужил гувернером. Дистанция, налагаемая традицией и этикетом, не помешала ему с самого начала рассмотреть в Александре Федоровне не столько императрицу, сколько жену и мать, счастливую в супружестве, но ежечасно трепещущую за жизнь обожаемого и неизлечимо больного сына. Во второй главе его книги есть описание, как в феврале 1906 года, когда он кончал давать свой урок Ольге Николаевне, вошла государыня с маленьким царевичем на руках. Жильяр, еще ничего не зная о болезни наследника, уже тогда заметил в ее нежности к сыну не материнскую гордость, а выражение страха и обреченности «столь несомненной и безнадежной», что чувство жалости к этой матери и этому ребенку уже больше не покидало его.

В воспоминаниях Татьяны Мельник, дочери доктора Боткина, лейб-медика царской семьи, Жильяр описан как «образованный и удивительно милый человек, которого сразу все полюбили, а Алексей Николаевич завязал с ним тесную дружбу.»

Записки Жильяра не оставляют сомнения, что их автор обладал исключительным чувством такта. Но при всей почтительности и сдержанности, с которой он отзывался обо всех членах царской семьи и их приближенных, нетрудно рассмотреть, что все тринадцать лет он прожил под обаянием подкупающей простоты и скромности государя, который, по его словам, был для детей «царем,

отцом и другом». Любимицей же его была старшая княжна Ольга, белокурая, слегка курносая, веснушчатая, смешливая и искренняя девочка, с которой они вначале ссорились, но потом сдружились.

В описании официального визита в Румынию, за которым скрывалось сватовство румынского принца Карола, Жильяр рассказывает:

«В начале июня (1914 года), когда однажды мы оказались наедине с Ольгой Николаевной, она обратилась ко мне с откровенностью, полной простоты и доверия, оправданного знакомством, восходящим к ее детским годам:

— Скажите мне правду, месье, Вы знаете, почему мы едем в Румынию?

Смутившись, я ответил:

— Мне кажется, что это визит вежливости, что император должен сделать его в ответ на визит, который сделал ему в свое время румынский король.

— Да, конечно, это формальный повод, но на самом деле... Ах, я конечно, знаю, что Вам не положено это знать, но я уверена, что все вокруг говорят об этом, и Вы это знаете...

И видя, что я наклонил голову в знак понимания, она добавила:

— Так вот! Но если я не захочу, этого не будет. Папа обещал не неволить меня, а я не хочу покидать Россию.

— Но Вы сможете приезжать, когда захотите.

— Все равно я стану тогда иностранкой. А я русская, и хочу оставаться русской!»

Все описания Жильяра отличаются добросовестностью и точностью. О событиях за стенами дворца он говорит очень мало, ровно столько, сколько ему кажется необходимым для объяснения внутреннего мира царской семьи. Однако здесь его суждения поверхностны. Его оценка Распутина (которого он видел только раз в жизни), Вырубовой, немцев и «немецких шпионов», евреев и социалистов, сделана явно со слов нескольких разумных и умеренных придворных, но, тем не менее, почти целиком укладывается в упрощенной схеме «злых сил», принятой, очевидно, в том узком безоговорочно и непонимающе преданном династии круге, в котором ему приходилось вращаться.

Разумеется, Жильяр был тоже предан, но преданность его иная: он был предан не династии, не престолу, а лично очаровавшему его Николаю II, не дому, а семье Романовых. В главе 7-ой своей книги он подробно описывает трудности, с которыми ему пришлось столкнуться, приступив к воспитанию наследника престола. «Я отдавал себе отчет, — пишет он, — что воспитание принца почти неизбежно делает из него существо неполноценное, живущее как бы вне жизни в силу того, что с самых ранних лет он оказывается вне общих условий и правил». Как умелый и умный педагог, Жильяр отмечает не только вред, приносимый такому воспитаннику чрезмерным вниманием и поклонением окружающих, но и неизбежный догматизм преподавания и односторонность складывающейся у него картины мира, а главное

— отсутствие того, что приобретается вне учебной программы, путем свободного общения с товарищами и в результате впечатлений обыденной жизни, со всеми ее противоречиями и затруднениями, недостаток всего того, что развивает в подростке чувство реальности и способность к критическому мышлению. Жильяр подчеркивает, что и Николай II был «человеком совсем другой эпохи», «полным воплощением русской натуры во всем, что в ней есть благородного и рыцарского», но что он был «мало подготовлен к борьбе», хотя и «любил свой народ и свою отчизну всеми силами своей души» и «с глубокой покорностью принял крест, который Бог на него возложил».

Когда 21 марта 1917 года Жильяр отказался покинуть дворец, решившись и после отречения делить судьбу Романовых, он, конечно, не предвидел ни Tobольска, ни Екатеринбургa, ни того страшного конца, которого лишь случайно избежал. Но он последовал за ними в Tobольск уже не в качестве наемного гувернера, а в качестве верного и близкого друга.

Записки Жильяра не объясняют русской революции. Но он и не берется объяснять. Он рассказывает. И от обреченного взгляда Александры Федоровны, вышедшей показать ему царевича, и до его собственного последнего взгляда на великую княжну Татьяну, идущую в дом Ипатьева и проваливающуюся в грязи с тяжелым черным чемоданом, — его сдержанный почтительный рассказ переживается как трагедия, не в переносном, а в классическом, античном смысле слова. Ибо это

путь любящих, нравственно чистых и желавших только добра людям, словно самой судьбой обреченных на жертву.

Наше издание, к сожалению, воспроизводит лишь последний акт этой трагедии. Но именно в нем до конца раскрывается мало кому известный образ верующего христианина и патриота (своей страны, смиренного узника) Николая Романова, которого вместе с семьей зверски убили только за то, что ему досталось быть последним русским царем.

Роман Редлих

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II (портрет В. А. Серова)

I. ЕКАТЕРИНБУРГСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Пришло время оповестить мир о правде екатеринбургского преступления во всех подробностях и во всем своем отвращении. Необходимо дать широким слоям общества сведения, которых ему не достает, чтобы оно могло сознательно судить и усвоить правильное мнение об обстоятельствах, имевших своим эпилогом потрясающую ночь с 16 на 17 июля 1918 г.*.

Молчание, к которому нас обязывало судебное следствие, было широко использовано прежде всего виновниками преступления и литературой низкой пробы, что еще более запутало общественное суждение. Наступило время для тех, кто знает правду, сообщить ее другим, — это долг, который лежит на них, как бы он ни был тяжел. Оставляя совершенно в стороне вопрос об ответственности за все случившееся, я хочу рассказать только о тех происшествиях, в которые я был непосредственно замешан по приезду в Екатеринбург**, и выставить подробности злодеяния в том виде, в каком они выяснились при производстве следствия.

Первые пять месяцев после революции 1917 года императорская семья провела в Царском Селе. В августе того же года император, императрица и

---

* Все даты обозначены по новому стилю.

** г. Екатеринбург — ныне Свердловск.

пятеро их детей: наследник — в возрасте 13 лет, Ольга — 22 лет, Татьяна — 20 лет, Мария — 18 лет и Анастасия — 16 лет, — были перевезены в Тобольск, в сопровождении некоторых из окружавших их лиц свиты и довольно большого количества дворовой прислуги. Когда в апреле 1918 года комиссар Яковлев отправился из Тобольска в Москву, чтобы хлопотать о новом переводе императорской семьи, наследник был опасно болен, и его состояние не позволяло ему перенести тяжесть нового путешествия. Было решено, что он останется в Тобольске со своими тремя сестрами, и что за ними придут позднее.

26 апреля император, императрица и дочь их Мария, в сопровождении гофмаршала князя Долгорукова, доктора Боткина и трех слуг — Чемадурова, камердинера государя, Анны Демидовой, горничной императрицы, и Ивана Седнева, слуги великих княжен, были увезены комиссаром Яковлевым. На лошадях они были доставлены в Тюмень, ближайшую к Тобольску железнодорожную станцию, и 30 апреля прибыли в Екатеринбург. За исключением князя Долгорукова, который был тотчас же отвезен в тюрьму, все были заключены в тот же день под стражу в дом Ипатьева, богатого купца Екатеринбурга.

Три недели спустя наследник со своими тремя сестрами, Ольгой, Татьяной и Анастасией, также оставили Тобольск, вывезенные комиссарами Хохряковым и Родионовым. Эта вторая отправка включала почти всех прочих, оставшихся в Тобольске после отъезда императора, лиц; я назову

имена только тех, о которых будет речь в моем последующем рассказе: генерал-адъютант Татищев, баронесса Буксгевден и графиня Гендрикова — фрейлины императрицы, гоф-лектриса Шнейдер, доктор Деревенко — врач наследника, г. Жиббс — англичанин-гувернер.

22 мая мы прибыли в Тюмень и были тотчас же отправлены под сильным конвоем в специальный поезд, который должен был доставить нас в Екатеринбург. В момент, когда я готовился занять место рядом с моим воспитанником, я был грубо от него отлучен и переведен в вагон четвертого класса, охраняемый, как и прочие, часовыми. Ночью мы прибыли в Екатеринбург, и наш вагон поставили на запасном пути, в некотором расстоянии от станции.

Утром, около 9 часов, несколько извозчиков выстроилось вдоль нашего поезда, и я увидел каких-то четырех человек, направлявшихся к вагону царских детей. Прошло несколько минут, потом Нагорный, матрос, приставленный к Алексею Николаевичу, прошел мимо моего окна, неся наследника на руках; за ним прошли великие княжны, неся саквояжи и другие предметы. Я хотел выйти, но меня грубо оттолкнул стоявший у двери вагона часовой. Я снова стал у окна. Татьяна Николаевна прошла последней, неся в одной руке маленькую собачку, а в другой, — с трудом удерживая, — тяжелый черный чемодан. Шел дождь, и с каждым шагом она глубоко проваливалась в грязь. Нагорный хотел придти к ней на помощь, но один из комиссаров с гневом отбросил его назад. Еще

несколько мгновений, и извозчики скрылись, увозя детей по направлению к городу.

Как я не подозревал в то время, что мне уже не суждено более увидеть тех, с кем я прожил так много лет! Я был уверен, что за нами приедут, и что мы скоро все опять соединимся. Но время шло. Наш поезд подвели к станции, и я увидел, что повели генерала Татищева, графиню Гендрикову и госпожу Шнейдер. Несколько позднее наступила очередь Волкова, камердинера императрицы, повара Харитонова, лакея Труппа и юного Седнева, мальчика 14 лет. Впоследствии из них один только Волков был спасен, да Седнева отпустили; все же остальные, кого провели в этот день, не вышли живыми из рук большевиков.

Мы все продолжали ждать. Что же происходило? Почему не приходили за нами? Мы уже строили различные предположения, когда, около 5 часов дня, комиссар Родионов, приехавший за нами в Тобольск, вошел в вагон и нам объявил, что «мы более не нужны» и что «мы свободны». Свободны! Значит, нас с ними разлучили! Полное отчаяние охватило нас после того возбуждения, которое поддерживало нас до тех пор. Что делать? Что предпринять? Мы были совершенно подавлены. Я и теперь не могу понять, чем руководствовались большевистские комиссары в своих действиях, которые привели к спасению наших жизней. Отчего, например, увели в тюрьму графиню Гендрикову, но оставили на свободе баронессу Буксгевден, такую же фрейлину императрицы? Отчего они, а

не мы? Нет ли недоразумений с именами и званиями? Чудеса!

На другой и следующие дни я ходил со своими коллегами к консулам Англии и Швеции, так как французский консул отсутствовал. Надо было, чего бы то ни стоило, предпринять шаги, чтобы помочь несчастным заключенным. Оба консула нас успокоили, говоря, что меры приняты, и что они не находят положение угрожающим. Я прошел мимо дома Ипатьева, — можно было видеть только его верх, над дощатым забором, воздвигнутым вдоль фасада. Я еще не терял надежды в него войти, так как доктор Деревенко, которому разрешили навещать ребенка, слышал, как Боткин от имени государя просил комиссара Авдеева, начальника стражи, чтобы тот позволил мне присоединиться к заключенным. Авдеев ответил, что он обратится в Москву. В ожидании, мои спутники и я, кроме доктора Деревенко, взявшего квартиру в городе, остались жить в вагоне четвертого класса, в котором нас привезли. Мы прожили в нем более месяца.

26-го мая мы получили приказ немедленно оставить пределы Пермской губернии, где находится Екатеринбург, и ехать обратно в Тобольск. Нам выдали один общий документ на всех, чтобы держать нас вместе и облегчить страже надзор. Но поезда уже не шли; антибольшевистское движение русских добровольцев и чехословаков распространялось быстро, и вся железнодорожная линия была предоставлена исключительно для продвиже-

ния воинских эшелонов, отправлявшихся спешно в Тюмень. Это была неожиданная задержка.

Когда я проходил как-то вместе с доктором Деревенко и моим коллегой Жиббсом мимо дома Ипатьева, мы обратили внимание на двух стоявших у дома извозчиков, окруженных многочисленными красноармейцами. Велико было наше волнение, когда на одном из них мы увидели Ивана Седнева (слугу великих княжен), сидящим между двумя красноармейцами. Нагорный подходил к второму извозчику. Приподнявшись на подножке экипажа над толпой, он заметил нас, безмолвно стоявших в нескольких шагах от него. Он пристально смотрел на нас несколько секунд и, не сделав ни одного движения, которое могло бы нас выдать, опустил в экипаж. Экипажи двинулись, и мы видели, как они свернули по направлению к тюрьме. Оба были расстреляны несколько дней спустя. Все их преступление заключалось в том, что они не сумели скрыть свое негодование, когда увидели, что большевистские комиссары снимают небольшую золотую цепочку, на которой висел образа над изголовьем кровати больного наследника.

Прошло еще несколько дней, и я узнал от доктора Деревенко, что просьба Боткина относительно меня отклонена. 3 июня наш вагон прицепили к беженскому поезду, направлявшемуся в Тюмень, куда мы прибыли 15 июня после многих приключений. По приезде в Тюмень я был арестован в большевистском штабе, куда пришел для получения необходимой визы на дальнейший проезд. Но

и в этот раз мы случайно избегли участи, которая готовилась нам.

20 июля белые захватили Тюмень и освободили нас от насильников, жертвами которых мы должны были стать. Несколько дней спустя газеты воспроизвели объявление, вывешенное на улицах Екатеринбурга и гласившее, что *«смертный приговор над бывшим царем Николаем Романовым приведен в исполнение в ночь с 16 на 17 июля, бывшая же царица и дети увезены в безопасное место»*. Наконец, 25 июля Екатеринбург пал в свою очередь, и, как только сообщение восстановилось, что произошло нескоро, мы — Жиббс и я — отправились на поиски царской семьи и тех наших сотоварищей, которые остались в Екатеринбурге.

На следующий день после моего приезда я в первый раз проник в дом Ипатьева. Я обошел комнаты, которые служили им тюрьмой; они находились в неопишемом беспорядке, и было видно, что кто-то постарался уничтожить следы пребывания тех, кто в них жил. Груды пепла были извлечены из печей. Они заключали множество мелких вещей, наполовину обуглившихся, как зубные щетки, шпильки, пуговицы и пр. Среди них я нашел головную щетку императрицы из слоновой кости, сохранившую инициалы А. Э. Если действительно арестованных только вывезли, то, значит, они отправились, в чем были, даже без самых необходимых принадлежностей туалета. Я заметил затем на стене, в амбразуре окна комнаты

императрицы ее любимый знак „Suuvastika“*, который она рисовала так часто «на счастье». Она его изобразила карандашом и крупными русскими буквами отметила дату «17/30 апреля», день их прибытия в дом Ипатьева. Такой же знак, только без числа, был нарисован на обоях стены, на высоте кровати, принадлежавшей, вероятно, наследнику. Я долго искал, но не находил ничего, что могло бы навести меня на их след.

Я спустился затем в нижний, полуподвальный этаж. С чувством душевного трепета вошел я в комнату, которая, возможно, была местом смерти их всех. Ее вид был ужаснее всего, что только можно себе представить. Свет в нее проникал сквозь заделанное железной решеткой окно, которое находилось на высоте человеческого роста. Стены и пол были повреждены многочисленными пулями и ударами штыков. Было ясно, что здесь совершилось ужасное преступление, что несколько человек нашли здесь свою смерть. Но кто? Сколько лиц? Я понял, что император погиб, и не мог допустить, что императрица могла его пережить. Я ее видел в Тобольске в те моменты, когда комиссар Яковлев входил к государю, — она бросалась туда, где опасность, как ей казалось, была велика. Я ее видел затем в течение нескольких часов мучительнейших колебаний, когда чувства жены и матери в ней сильно боролись; борьба

---

* Индусский религиозный символ, в виде равноконечного креста с загнутыми налево концами; если концы загнуты направо, то он носит название «свастика».

кончилась тем, что с отчаянием в душе она решила оставить тяжело больного, бесконечно любимого сына, чтобы следовать за мужем, жизни которого угрожала смертельная опасность. Мне стало казаться, что оба пали жертвами злодеев. Но дети? Неужели и они убиты? Я не мог этому поверить. Все мое существо возмущалось при этой мысли. А, между тем, все доказывало, что жертв было много.

В последующие дни я продолжал розыски в Екатеринбурге, в окрестностях, в монастыре, словом, везде, где я надеялся найти что-нибудь. Я видел священника Сторожева, который последним служил молебен в доме Ипатьева. Это было 14 июля, значит, за два дня до ужасной ночи. Увы, у него тоже немного было надежды!

Следствие шло крайне медленно. Оно началось при условиях чрезвычайно тяжелых, так как в промежуток между 17 и 25 июля большевистские комиссары имели достаточно времени, чтобы уничтожить следы своего преступления. По взятии Екатеринбурга военное начальство распорядилось окружить дом Ипатьева воинской охраной, и было приступлено к производству следствия, но нити были так умело запутаны, что трудно было найти концы их. Самое важное показание было дано некоторыми крестьянами дер. Коптяки, расположенной в 20 верстах северо-восточнее Екатеринбурга. Они заявили, что в ночь с 16 на 17 июля большевики заняли полянку в лесу недалеко от их деревни и остались там несколько дней. Они представили вещи, найденные ими у шахты, возле

Комната убийства

Комната в доме Ипатьева в Екатеринбурге, где произошло убийство царской семьи в ночь на 17 июля 1918 г. Вместе с царской семьей были убиты лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, горничная государыни Анна Степановна Демидова, лакей государя Алексей Егорович Трупп и повар Иван Михайлович Харитонов.

которой лежали обуглившиеся куски бревен. Офицеры отправились на указанную поляну и нашли еще другие вещи, которые, как и первые, были признаны принадлежавшими членам царской семьи.

Производство следствия было возложено на Ивана Александровича Сергеева, входившего в состав прокурорского надзора Екатеринбургского окружного суда, и испытывало на своем пути огромные трудности. Сергеев все более убеждался в гибели всех членов семьи. Между тем, тела оставались неразысканными, и некоторые указания как бы говорили за возможность увоза императрицы и детей. Эти указания, как выяснилось впоследствии, исходили от большевистских агентов, намеренно оставленных в Екатеринбурге, чтобы направлять следствие по ложному пути. Их цели были отчасти достигнуты, так как Сергеев потерял много драгоценного времени и не скоро уверился в том, что его вводят в заблуждение.

В январе 1919 г. адмирал Колчак, сознавая огромное историческое значение производимого расследования и желая подробно с ним ознакомиться, командировал генерала Дидерихса в Екатеринбург и поручил ему доставить в Омск некоторые вещественные доказательства и принадлежавшие императорской семье вещи. 5 февраля он вызвал судебного следователя по важнейшим делам Николая Алексеевича Соколова и поручил ему тоже ознакомиться с ходом следствия. Два дня спустя министр юстиции Старынкевич пере-

дал производство следствия названному Соколову.

В Омске, в конце февраля, куда я был вызван генералом Жанен, начальником французской миссии, я познакомился с Н. А. Соколовым. Мы работали несколько дней вместе, после чего он выехал в Екатеринбург, чтобы продолжать на месте следствие, начатое Сергеевым.

В апреле генерал Дидерихс, прибывший из Владивостока, также отправился в Екатеринбург, чтобы оказать Соколову свое содействие. С этого момента следствие стало делать большие успехи. Были допрошены сотни свидетелей, а как только сошел снег, были произведены серьезные работы в лесу на полянке, в том месте, где крестьяне обнаружили принадлежавшие царской семье вещи.

Отдав себя всецело возложенному на него делу, обнаруживая терпение и самопожертвование удивительные, Соколов восстановил в несколько месяцев с поразительной точностью все подробности злодеяния.

В половине апреля 1918 г. С в е р д л о в, председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета в Москве, уступая давлению Германии, командировал в Тобольск комиссара Яковлева, чтобы добиться вывоза царской семьи. Яковлев получил указание доставить ее в Москву или в Петроград. Встретив на месте сильное противодействие, как это установлено следствием, -- он употребил все средства, чтобы настоять на исполнении данного ему поручения. Противодействие исходило от уральского совета, находившегося в Екатеринбурге и подготовлявшего за спиной

Яковлева ловушку, чтобы убить царя. Но правдоподобнее, что этот план имел тайное одобрение Москвы. Более чем вероятно, что Свердлов вел двойную игру, и что, выражая готовность уступить настояниям графа Мирбаха, представителя Германии, он вошел в тайное соглашение с екатеринбургскими комиссарами не упускать царя. Как бы то ни было, но переезд императорской семьи из Тобольска в Екатеринбург был фактом, ранее не предвиденным. В два дня купец Ипатьев был выселен из своего дома, по фасаду которого начали воздвигать дощатый забор, до высоты окон второго этажа.

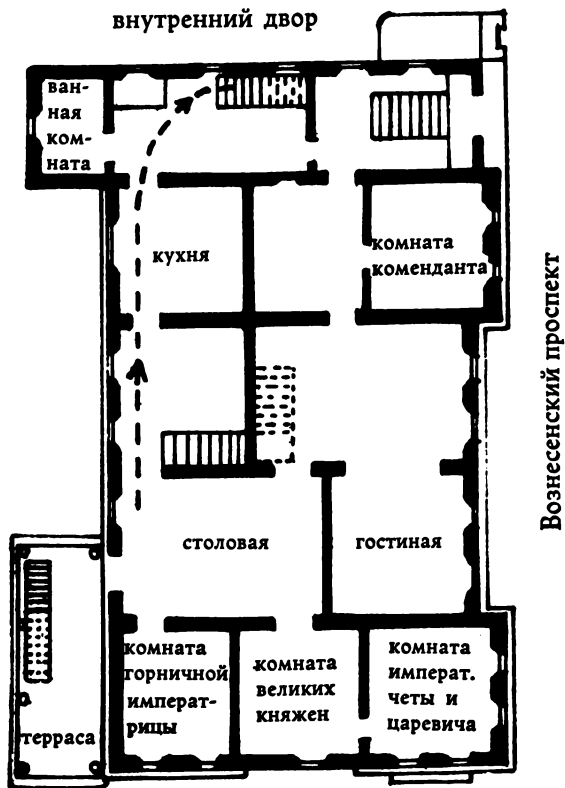
30 апреля туда привезли императора, императрицу, великую княжну Марию Николаевну, доктора Боткина и несколько слуг. Охрана была сформирована из красноармейцев, которых все время меняли. Позднее охрана была сформирована исключительно из рабочих верх-исетских заводов и фабрики братьев Злоказовых. Во главе их был поставлен комиссар Авдеев, комендант «дома специального назначения», как называли дом Ипатьева. Условия жизни были гораздо тяжелее, чем в Тобольске. Авдеев был закоренелый пьяница, который всецело отдавался своей грубой натуре и изощрялся вместе со своими подчиненными в ежедневном изобретении все новых унижений для лиц, которых он охранял. Надо было мириться с новыми лишениями, подчиниться прихотям, склоняться перед требованиями и капризами людей темных и грубых.

23 мая, по прибытии в Екатеринбург наследника и трех его сестер, их отвезли в дом Ипатьева, где уже находились их родители. Свидание было огромною радостью, несмотря на горечь настоящего и неведомое, но страшное будущее. Все были так счастливы сознавать себя соединившимися после тяжелой разлуки.

24 мая больного камердинера царя — Чемадурова — перевели из дома Ипатьева в тюремную больницу, затем отправили в тюрьму Нагорного и Ивана Седнева. Небольшое число лиц, оставленных при заключенных, быстро сокращалось. К счастью, были оставлены доктор Боткин, преданность которого была совершенно исключительна, и несколько честных и верных слуг.

Царь, царица и наследник жили вместе в одной комнате, в соседней — четыре великие княжны. Дверь из одной комнаты в другую была снята. Первые ночи кроватей не было, и великие княжны спали на полу.

Состояние здоровья наследника ухудшилось после тяжелого пути; большую часть дня он лежал, а когда выходили во двор на прогулку, государь выносил его на руках. Вся семья, слуги и комиссары обедали вместе. Комиссары жили в том же этаже, в ближайшем соседстве с заключенными и входили к ним во всякое время, обыкновенно в нетрезвом состоянии. Религия поддерживала изумительно настроение заключенных. Они сохранили ту чудесную веру, которая поражала всех в Тобольске и давала им крепость и силу в их испытаниях. Часто можно было слышать, как

внутренний двор

ван-
ная
ком-
ната

кухня

комната
коменданта

столовая

гостиная

терраса

комната
горничной
императ-
рицы

комната
великих
княжен

комната
императ.
четы и
царевича

Вознесенский проспект

Вознесенский переулок

Верхн. этаж дома Ипатьева

План верхнего этажа Ипатьевского дома, где со-
держалась императорская семья с апреля 1918 г.
Пунктиром отмечен путь следования в ночь на
17 июля.

императрица и дети громко пели молитвы, которые смягчали сердца их охраны помимо их желания. Заключенные, казалось, временами уже жили иною, потусторонней жизнью.

Окруженный заборами со всех сторон, дом представлял собой настоящую тюрьму-крепость. Часовые были расставлены внутри и снаружи. Комната коменданта, первая при входе, была занята комиссаром Авдеевым, его помощником Мошкиным и несколькими рабочими. Остальная стража занимала полуподвальный этаж, но все входило в комнаты заключенных, когда только это приходило в голову.

Понемногу охранявшие стали менять свое отношение к заключенным. Они были поражены их мягкостью и простотою, подкуплены их кротостью и смирением, подавлены их моральным достоинством. Незаметно они подчинились тем, кого думали держать в своей власти. Пьяница Авдеев почувствовал себя безоружным перед таким величием души; он сознал свою низость. Чувство глубокого сострадания заменило в этих людях их первоначальную жестокость.

Советскую власть в Екатеринбурге составляли: а) окружной уральский совет, состоящий из 30 человек с председателем, комиссаром Белобородовым, во главе, б) президиум или исполнительный комитет, состоявший из нескольких членов совета — Белобородова, Голощекина, Сыромолотова, Сафарова, Войтова и др., в) «чрезвычайка», т. е. чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, центр которой был в Москве,

а отделения повсеместно в России. Это — организация, на которой основывается режим советской власти. Каждая местная чрезвычайка получает указания из Москвы и выполняет их своими средствами. Чрезвычайки состоят из людей наиболее порочных, в них входят часто германские пленные, латыши, китайцы и пр., являющиеся не более, как хорошо оплаченными палачами. В Екатеринбурге чрезвычайка была всемогущей; наиболее влиятельными ее членами, как установлено следствием, являлись комиссары Юровский, Голощекин и др.

Авдеев находился под постоянным надзором других комиссаров, членов президиума и чрезвычайки. Они заметили перемену, которая совершилась в чувствах охранников по отношению к заключенным, и приняли решительные меры. В Москве также были встревожены, как это видно из следующей телеграммы, посланной Белобородовым Свердлову и Голощекину, выехавшему с докладом в Москву: «Сыромолотов командирится в Москву, чтобы организовать дело по указанию из центра. Опасения неосновательны. Беспокойство напрасно. Авдеев отставлен. Мошкин арестован. Авдеев замещен Юровским. Внутренняя охрана распущена, заменена другими». Эта телеграмма была от 4 июля.

В этот день, действительно, Авдеев и его помощник Мошкин были арестованы и замещены комиссаром Юровским и его помощником Никулиным. Внутренняя охрана, сформированная, как было сказано, из русских рабочих, была це-

ликом переведена в соседний дом Попова. Юровский привел с собою 10 человек — почти все германские пленные, избранные из палачей чрезвычайки. С этого дня они занимали все внутренние посты, внешние же продолжали охраняться по-прежнему русскими красноармейцами. Дом «специального назначения» обратился в филиальное отделение чрезвычайки, и жизнь несчастных заключенных обратилась в сплошное мученичество.

В это время смерть царской семьи в Москве была уже предрешена. Телеграмма, приведенная выше, это доказывает: «Сыромолотов командирован в Москву, чтобы организовать дело по указанию из центра»...

Сыромолотов возвратится с Голощекиным и привезет инструкцию и директивы Свердлова. Юровский тем временем уже действует. Он несколько дней подряд разъезжает верхом по окрестностям, разыскивает подходящее место, где могли бы исчезнуть тела его жертв. И этот человек, цинизм которого превышает все, что только можно себе представить, навещает больного наследника, лежащего в кровати. Проходит несколько дней... Голощекин и Сыромолотов возвратились; все готово.

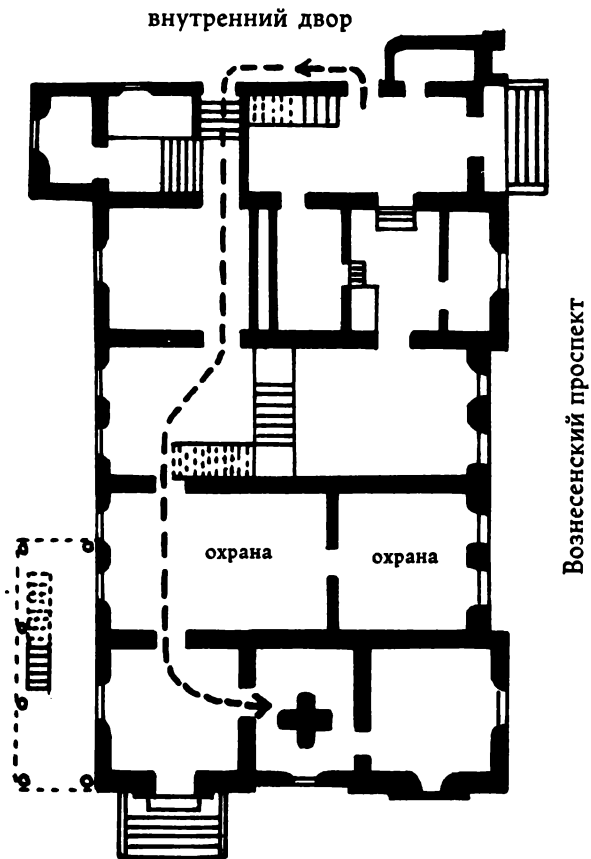
На следующий день делается распоряжение выдворить малолетнего Леонида Седнева в дом Попова, где находятся красноармейцы.

16-го июля, около 7 часов вечера, Юровский приказывает рабочему Павлу Медведеву, которому вполне доверяет, взять у красноармейцев и принести ему 12 револьверов системы Ногана. И

когда это распоряжение было исполнено, он объявляет тому же Медведеву, что вся царская семья будет расстреляна в ту же ночь, и поручает ему сообщить об этом красноармейцам. Медведев передает им это около 10 часов.

После полуночи Юровский входит в комнаты, занятые членами царской семьи, будит их и всех, живущих с ними, и предлагает им приготовиться, чтобы следовать за ним. Предлог, который он выставляет, — беспорядки, якобы происходящие в городе, и что посему им безопаснее находиться в нижнем этаже дома. Все быстро одеваются, берут самые необходимые вещи, подушки и по черной лестнице спускаются во двор, а оттуда проходят в комнаты нижнего этажа. Впереди — Юровский с Никулиным, за ними — государь с наследником на руках, императрица, великие княжны, д-р Боткин, Анна Демидова, Харитонов и Трупп. Заключенные останавливаются в комнате, указанной Юровским. Они убеждены, что послано за экипажами или автомобилями, чтобы их увезти, и так как ожидание может быть продолжительным, просят принести стулья. Приносят три стула. Наследник, который совсем не может стоять, садится посреди комнаты. Государь садится рядом с ним, доктор Боткин становится направо и немного позади. Императрица садится у стены возле окна. На стулья императрицы и наследника кладут подушки. Рядом с императрицей — одна из дочерей, вероятно, Татьяна. В глубине комнаты — Анна Демидова с двумя подушками на руках. Три ве-

*Нижний этаж дома Ипатьева и путь,
по которому шли на убийство*

План нижнего этажа Ипатьевского дома. Царская семья была проведена из первого этажа через внутренний двор в помещения нижнего этажа. Крестиком указана комната, где произошло убийство.

ликие княжны прислонились к стене, а правее их стали Харитонов и Трупп.

Ожидание продолжается еще несколько минут. Вдруг Юровский входит с семью германцами и комиссарами Ермаковым и Вагановым — членами чрезвычайки. Медведев тоже присутствует. Юровский выходит вперед и говорит, обращаясь к царю: «Ваши хотели вас спасти, но это им не удалось, и мы принуждены вас убить». Сейчас же поднимает револьвер и стреляет в государя почти в упор. Царь падает мертвым.

Это служит сигналом ко всеобщему избиению. Каждый из убийц избрал себе жертву. Юровский избрал царя и наследника. Смерть почти всех наступает мгновенно, только наследник жалобно стонет; Юровский приканчивает его новым выстрелом. Анастасия Николаевна только ранена и начинает громко кричать при приближении убийц. Она падает, сраженная штыками. Анна Демидова еще жива, благодаря подушкам, которыми защищается. Она бросается в сторону и тоже падает под ударами убийц.

Показания свидетелей дали судебному следователю возможность восстановить во всех подробностях картину этого страшного избиения. Эти свидетели: Павел Медведев, один из убийц, Анатолий Якимов, который был, несомненно, очевидцем драмы, хотя он это отрицает, и Филипп Прокуряков, который передает о преступлении по рассказам других свидетелей. Все служили в охране дома Ипатьева.

Когда все кончено, комиссары обыскивают трупы и снимают драгоценности. Тела выносят в простынях и складывают в грузовик, который стоит во дворе.

Надо торопиться, пока не взошло солнце. И вот печальная процессия движется через спящий город по направлению к лесу. Комиссар Ваганов предводительствует верхом. При выезде из города попадает крестьянская телега. Это едет женщина из деревни Коптяки с сыном и невесткой, — везут в город для продажи рыбу. Ваганов приказывает им тотчас же свернуть и возвращаться домой. Для большей верности он провожает телегу, галопируя рядом, и запрещает под страхом смерти оглядываться назад. Но крестьяне уже заметили большой темный грузовик, который следовал за всадником. Возвратившись в деревню, они рассказывают, что видели. Заинтригованные крестьяне идут и располагаются за цепью часовых, выставленных в лесу.

Между тем, с большими затруднениями, так как дорога была отвратительна, грузовик выезжает на поляну. Трупы положены на землю и по очереди раздеты. В это время комиссары обнаруживают драгоценные камни, которые были вшиты в платя великих княжен. Они тотчас же их похищают, но в этой спешке несколько камней роняют, и они тут же затапываются. Затем трупы укладываются на балки, и все заливаются бензином. Для уничтожения предметов, неподдающихся сожжению, их обливают серною кислотой. Три дня и три ночи работают злодеи под руководством

Юровского, Ермакова и Ваганова. 175 килограммов серной кислоты и более 300 литров бензина было доставлено сюда из города.

Наконец, 20 июля все окончено. Злодеи уничтожают балки, а пепел — частью бросается в шахту, частью разбрасывается по полянке, чтобы скрыть следы преступления.

Отчего эти люди так стараются замести следы своих действий? Почему, раз они утверждают, что творят суд, прячутся они, как преступники? И от кого они прячутся?

Павел Медведев разоблачает это своим показанием.

После убийства Юровский подходит к нему и говорит: «держи наружные посты, чтобы народ не возмутился». И на следующий день часовые продолжают охранять пустой дом, как будто бы ничего не произошло, как будто бы эти стены по-прежнему скрывали заключенных.

Тот, кого надо обмануть, тот, кто ничего не должен знать, — это русский народ.

Другой факт это доказывает, а именно — предосторожность, принятая 4 июля и заключающаяся в удалении Авдеева и красной гвардии. Комиссары не доверяли рабочим Верх-Исетского завода и фабрики Злоказовых, хотя те сами предложили им свои услуги для охраны «Николая Кровавого». Они знали, что только каторжники, чужеземцы, да отъявленные, низкие палачи согласятся участвовать в деле, которое они задумали. Эти люди-звери были — Юровский, Медведев, Ни-

кулин, Ермаков, Ваганов и 7 пленных австро-германцев.

Да, это от русского народа они прячутся, эти люди, которые претендуют быть его избранниками. Это его мести они опасаются:

Наконец, 20 июля они решили объявить народу о смерти царя прокламацией, вывешенной на улицах Екатеринбурга. Пять дней спустя пермские газеты напечатали следующее объявление:

П о с т а н о в л е н и е

уральского исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Имея сведения, что чехословацкие банды угрожают красной столице Урала — Екатеринбургу, и принимая во внимание, что коронованный палач, скрывшись, может избежать суда народа, исполнительный комитет, исполняя волю народа, решил: расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых преступлениях.

Решение исполнительного комитета приведено в исполнение в ночь с 16-го на 17-е июля.

Семья Романовых переведена из Екатеринбурга в другое, более надежное место.

Президиум уральского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

П о с т а н о в л е н и е

всероссийского центрального исполнительного комитета съезда советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов от 18-го июля 1918 г.

Всероссийский центральный исполнительный комитет, в лице своего председателя, одобряет действия президиума уральского совета.

Председатель всероссийского центрального исполнительного комитета

Свердлов.

В этих документах подчеркивается, что убийство царя Николая II было произведено якобы по постановлению екатеринбургского президиума. Ложь! Преступление, мы знаем, было решено в Москве Свердловым, и это его инструкции были привезены Юровскому Голощекиным и Сыромолотовым.

Свердлов задумал — Юровский выполнил.

Император не был приговорен, ни даже судим, — да и кем это могло быть сделано? — о н б ы л п р о с т о у б и т. Что же сказать об императрице, детях, о докторе Боткине и трех слугах, которые пали вместе с ними? Но не безразлично ли это убийцам? Они уверены в безнаказанности: пуля убила, огонь уничтожил, и земля все покрыла. Они — спокойны; из них никто не проронит слова, ведь они между собой крепко связаны зверством. И не без основания, как казалось, комиссар Войков мог воскликнуть: «свет никогда не узнает того, что мы с ними сделали».

Но эти люди ошиблись.

После нескольких месяцев колебания следствие приступает к методическим розыскам в лесу. Каждая пядь земли осмотрена, вскрыта, исследована, и скоро шахта, трава и почва разоблачают их тайну. Сотни вещей и обломков, из которых большинство было втоптанно, найдены, отобраны и записаны следствием. Между ними опознают: серьги императрицы, куски материи от ее платья, пряжку кушака наследника, пуговицы его шинели; множество мелких вещей великих княжен, их пуговицы, крючки; шесть металлических остовов от корсетов, — число, которое само за себя говорит, если вспомнить количество жертв: императрица, четыре великие княжны и горничная Демидова; вставная челюсть доктора Боткина, обломки его очков, пуговицы его платья и пр.; наконец, груды костей, одни — поврежденные серною кислотой, другие — носящие следы ножа или пилы; револьверные пули, застрявшие в трупах, и много расплавленного свинца. Грустное перечисление реликвий, не оставляющих никакой надежды и вскрывающих истину со всею ее зверскою жестокостью. Комиссар Войков ошибся: «свет теперь знает все, что они с ними сделали».

Убийцы беспокоятся. Агенты, которых они оставили в Екатеринбурге, чтобы запутать розыск, держат их в курсе судебного следствия. Они следят за его успехами, и когда становится ясным, что правда будет известна, им делается страшно,

и они ищут, на кого свалить ответственность за свое злодейство.

Тогда они обвиняют социалистов-революционеров, выставляя их виновниками преступления, содеянного якобы для того, чтобы скомпрометировать большевистскую партию. В сентябре 1919 года 28 человек, ложно обвиненных в убийстве царской семьи, арестовываются ими в Перми и предаются суду. Пятерых из них приговаривают к смертной казни, и они расстреливаются.

Эта отвратительная комедия показывает лишь один раз цинизм людей, которые не задумываются над тем, чтобы отправить невинных на тот свет, когда это им нужно, чтобы снять с себя ответственность за одно из величайших преступлений в истории.

В марте 1920 г. я встретил генерала Дидерихса и Соколова в Харбине, куда они прибыли после падения правительства адмирала Колчака. Их настроение было мрачным, потому что положение в Манчжурии с каждым днем становилось все хуже, и захвата красными восточно-китайской железной дороги можно было ожидать ежечасно. Большевистские шпионы уже наводнили станцию и окрестности. Что делать с следственным производством? В каком верном месте его скрыть? Генерал Дидерихс и Соколов обратились к английскому верховному комиссару, перед его отъездом в Пекин, с просьбой отправить в Европу останки императорской семьи и вещественные по делу доказательства; комиссар обратился за инструкциями к своему правительству. Ответа ожидали дол-

го. Ответ пришел, наконец... он был отрицательный.

Тогда я лично отправился к генералу Жанен и ввел его в курс дела. «Я готов, — сказал он мне, — прийти вам на помощь. Я возьму все на свою ответственность, потому что время мне не позволяет снести с моим правительством. Но никто не сможет сказать, что французский генерал не проявил уважения к останкам того, кто был верным союзником Франции. Пусть генерал Дидерихс письменно обратится ко мне, выразив уверенность в моем согласии; я не буду колебаться в решении».

Письмо было написано, и генерал Дидерихс вошел в соглашение с генералом Жанен относительно отправления драгоценных останков в Европу лицу, на которое он указал.

Два дня спустя, генерал Дидерихс, шесть состоявших при нем офицеров, Соколов и я взвалили на плечи тяжелые ноши, заранее приготовленные, и отправились к поезду генерала Жанена, который стоял близ станции. По очереди, на расстоянии друг от друга, шли мы по направлению к железнодорожному пути, как вдруг последние из нас заметили наступающие их тени нескольких людей, — и раздался крик: «Куда вы идете? Что вы несете в мешках?» Мы, не отвечая, ускорили шаги, они сделали движение, чтобы нас задержать... Мы побежали и минуту спустя были уже у вагона генерала Жанена, где часовые, увидя нас, бросились нам навстречу.

Опасность миновала — и вовремя, потому что мы уже выбивались из сил. Час спустя мы осторожно выходили из поезда один за другим и пробирались незаметно между вагонами соседних эшелонов.

На следующий день генерал Лидерихс доставил генералу Жанен ящик с останками императорской семьи.

Это произошло 19 марта 1920 года.

Остается сказать об алапаевской трагедии, которая тесно связана с екатеринбургской и вызвала смерть некоторых других членов императорской фамилии.

Великая княгиня Елизавета Федоровна — сестра императрицы, великий князь Сергей Михайлович, князья Иоанн, Константин и Игорь, сыновья великого князя Константина, и князь Палей, сын великого князя Павла, были арестованы весной 1918 года и отправлены в Алапаевск, расположенный в 150 верстах к северу от Екатеринбурга.

В ночь с 17 на 18 июля, через двадцать четыре часа после екатеринбургского преступления, несколько человек прибыло за ними и, под предлогом переезда в другой город, их вывезли в экипаже за двенадцать верст от Алапаевска. Там, в лесу, их убили. Тела были брошены в шахту, где их нашли в октябре 1918 года засыпанными землей, обвалившейся, вследствие взрывов ручных гранат, которыми убийцы пользовались, чтобы покончить со страданиями недобитых жертв.

Вскрытие обнаружило следы огнестрельных ранений только на теле великого князя Сергея, но

следствие не могло точно установить, каким образом были убиты остальные. Вероятно, они были избиты прикладами.

Это преступление, ужасающее по своей жестокости, было делом комиссара Сафарова, члена екатеринбургского президиума, который исполнял данное из Москвы распоряжение.

Я хотел бы, оканчивая первую главу, сказать еще несколько слов о тех моих сотоварищах по заключению, которые пали жертвами своего долга и своей привязанности к императорской семье.

Через несколько дней после взятия Екатеринбурга, когда все были заняты приведением города в порядок и погребением умерших, нашли вблизи тюрьмы два трупа. На одном из них обнаружили чек на 80 000 рублей на имя гражданина Долгорукова, и, по описаниям свидетелей, представляется вероятным, что это было тело князя Долгорукова. Другой труп, по всем признакам, — генерала Татищева.

Тот и другой умерли, как они это предвидели, за своего императора. Генерал Татищев мне сказал однажды в Тобольске: «Я знаю, что не выйду отсюда живым. Я желал бы только одного, чтобы меня не разлучали с государем и чтобы мне дали умереть вместе с ним». Но ему не было дано и это утешение.

Графиня Гендрикова и госпожа Шнейдер были увезены из Екатеринбурга через несколько дней после убийства царской семьи и отправлены в Пермь. Там они были расстреляны в ночь с 3 на 4 сентября 1918 года. Их тела были найдены и

опознаны в мае 1919 года. Они тоже решили отдать свою жизнь за тех, кого любили.

Состоявшего при наследнике матроса Нагорного и лакея Ивана Седнева*, отправили на расстрел в окрестности Екатеринбурга в конце июня 1918 года. Их тела были найдены через два месяца на месте казни.

Все, от генерала до простого матроса, не задумались принести свою жизнь в жертву и шли смело навстречу смерти. Нагорному — этому матросу, честному крестьянину Украины, достаточно было сказать одно слово, чтобы быть спасенным. Это слово — отказ от императора, — но он его не сказал. Кто же были те, которые внушили столько привязанности и самопожертвования, столько смелости и величия души? В чем было их очарование? Чем побеждали они даже грубую враждебность охраны?

К т о о н и б ы л и ? Это я хочу дать понять в рассказах, которые последуют. В этих рассказах я постараюсь их воскресить такими, какими я их знал и какими любил.

---

* Нагорный, Клементий Григорьевич, Седнев, Иван Дмитриевич

II. ЦАРЬ И ЕГО СЕМЬЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Екатеринбургское злодеяние является завершением долгого мученичества, развязкой одной из самых острых трагедий, какие знает свет. Никогда человеческая драма не была более раздирающей, никогда рок не обрушивался с большей жестокостью и с большим постоянством на жертвы более благородные и более покорные провидению. Я бы хотел в беглом очерке показать суть трагедии и ее глубоко скрытые причины и обрисовать вкратце этапы этого скорбного пути вплоть до революции 1917 года.

Царское Село — красивый дачный городок в 20 приблизительно верстах к югу от Петрограда. В самой высокой части местности находится Большой дворец. — любимое местопребывание Екатерины II. Недалеко от него, в парке с небольшими живописными озерами, наполовину скрытое деревьями, возвышается здание гораздо более скромное — Александровский дворец. Император Николай II сделал его своей обычной резиденцией после трагических событий января 1905 года.

Император и императрица занимали нижний этаж одного из дворцовых флигелей, а их дети — этаж над ними: центральный корпус заключал в себе залы парадных приемов, а противоположный флигель был отведен под нескольких лиц из свиты. И в этих рамках, которые так хорошо соответ-

Царская семья в 1913 году

Царская семья в 1913 г. Слева направо: великие княжны Ольга и Мария, император Николай II, императрица Александра Федоровна, вел. кн. Анастасия, наследник цесаревич Алексей, вел. кн. Татьяна.

ствовали их скромным вкусам, проходила жизнь царской семьи.

Здесь, в феврале 1906 года, я увидел в первый раз наследника, которому тогда было полтора года, и вот при каких обстоятельствах. Уже шестой месяц на меня было возложено преподавание французского языка великим княжнам Ольге и Татьяне, и в этот день я пришел, по обыкновению, в Александровский дворец. Я кончал свой урок с Ольгой Николаевной, когда вошла императрица с наследником на руках. Она подошла к нам с явным намерением показать мне сына, которого я еще не знал. Безгранична была радость матери, которая увидела, наконец, исполнившимся свое самое заветное желание. Чувствовалось, что она вся сияет счастьем и гордится красотой своего ребенка. И действительно, наследник был тогда самое прелестное дитя, о каком только можно мечтать. — с очаровательными белокурыми локонами, с светло-голубыми, большими глазами, осененными длинными, загнутыми ресницами! У него был свежий, розовый цвет лица здорового ребенка, и видно было, когда он улыбался, как обрисовываются ямки на его полных щечках. Когда я приблизился к нему, он посмотрел на меня с серьезным и испуганным видом и только с трудом решился протянуть мне свою пухленькую ручку.

Во время этого первого свидания я увидел, как императрица несколько раз принималась нежно прижимать к груди наследника, как мать, дрожа-

щая за жизнь своего ребенка: эта ласка и взгляд се в это время обнаруживали скрытую тревогу, такую определенную, так хватающую за сердце, что я был поражен. И только много времени спустя я понял смысл этой тревоги. В последующие годы я все чаще и чаще видел Алексея Николаевича, когда он, ускользнув от своего матроса, забегал в классную комнату своих сестер. Иногда эти посещения внезапно прекращались, и некоторое — довольно долгое — время его не было видно. Каждое из этих исчезновений вызывало среди обитателей дворца состояние уныния, которое выражалось глубокою грустью и у моих учениц. Это горе свое они напрасно старались скрыть. Когда я их спрашивал, они пытались избежать моих вопросов и отвечали уклончиво, что Алексей Николаевич слегка прихворнул. Но я знал из других источников, что он был захвачен болезнью, о которой говорили обиняком, и сущность которой никто не мог мне точно определить.

Только когда я был назначен преподавателем Алексея Николаевича (осенью 1913-го года), я был точно осведомлен о болезни, которой он страдал, доктором Деревенко. Последний сообщил мне, что наследник болен гемофилией, болезнью наследственной, которая в известных семьях передается от поколения к поколению, через женщин к их детям мужского пола. Только мужчины — жертвы этой болезни. Доктор мне объяснил, что малейшее ранение может вызвать смерть ребенка, так как кровь болеющего гемо-

филией не обладает способностью свертываться, как кровь нормального существа. Мало того — ткань их артерий и вен настолько хрупка, что всякий толчок, всякий ушиб, всякое резкое усилие могут вызвать разрыв сосуда и причинить кровотечение с роковым исходом. Вот та ужасная болезнь, которой страдал Алексей Николаевич, постоянно угрозой висевшая над его головой: падение, кровотечение из носу, простой порез, — все то, что для другого ребенка было бы лишь пустой безделицей, — для него могло быть смертельным. Надо было окружить его крайней заботливостью, особенно в течение его первых лет, и постоянной, неусыпной бдительностью стараться предупредить всякий несчастный случай. Поэтому-то, по настоянию врачей, ему дали в телохранители двух бывших матросов императорской яхты — боцмана Деревенько и его помощника Нагорного, — которые должны были поочередно неусыпно присматривать за ребенком.

Все же оказалось невозможным, несмотря на принятые меры предосторожности, предупредить все несчастные случаи. Спустя несколько недель после моего вступления в должность, Алексей Николаевич заболел. Вследствие несчастного падения произошло сильное подкожное кровотечение под левым коленом, и опухоль стремительно захватила всю нижнюю часть ноги. Кожа, натянутая до крайности, отвердела под давлением крови от внутреннего кровоизлияния, которое нажимало на нервы ноги и причиняло колющую боль, увеличивавшуюся с часу на час. Мать не

Наследник цесаревич Алексей

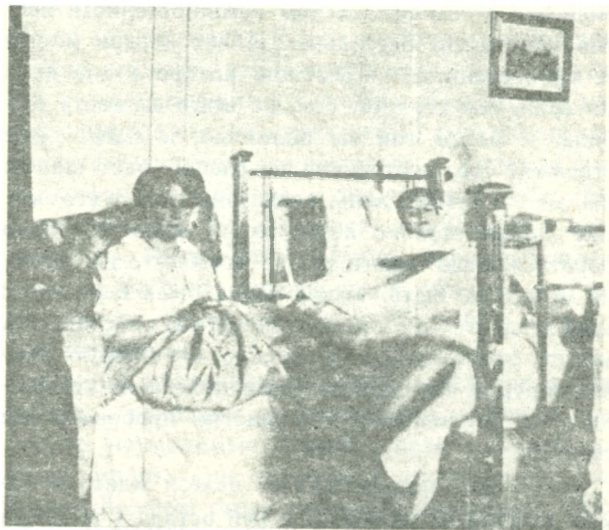
отходила от кровати сына с самого начала кризиса, нагнувшись над ним, лаская его, покрывая его всей любовью своей, стараясь тысячью забот облегчить его страдания. Император также приходил, как только у него была свободная минута. Он старался подбодрить ребенка и рассеять его, но боль была сильнее ласк родителей, и жалобный стон, на минуту прерывавшийся, снова начинался. По временам дверь открывалась и великие княжны по очереди осторожно входили, чтобы поцеловать маленького брата, принося ему, как бы в дуновении ветра, свежесть и здоровье. Дитя открывало на мгновение свои большие глаза, окруженные глубокой, болезненной синевой, и почти тотчас же снова закрывало их.

Однажды утром я застал мать у изголовья сына. Ночь для больного была очень тяжелая; доктор Деревенко, тревожился, так как все еще не могли остановить кровотечение, и температура поднималась. Опухоль снова увеличилась, и боли были еще более невыносимы, чем накануне. Ребенок, вытянувшись на кровати, болезненно стонал; его голова прислонилась к руке матери, и тонкое, бескровное личико стало неузнаваемым. От времени до времени он задерживал свой непрерывный стон и шептал одно слово: « м а м а », в котором выражалось все то же невыносимое страдание и мука томления. А мать целовала его волосы, его лоб, его глаза, словно тихая ласка ее губ могла облегчить его боли и вернуть ему немного той жизни, которая от него уходила. О, какая пытка для матери присутствовать бессиль-

ной при муках своего ребенка, томиться долгие часы в смертной тоске, какая мука знать, что это из-за нее он страдает, что это она передала ему ту страшную болезнь, против которой наука ничего не могла поделать. Как я понимал теперь сокровенную драму этой жизни, и как мне легко было представить себе пути этой долгой Голгофы.

Если я считал долгом задержаться на описании по моим личным воспоминаниям болезни Алексея Николаевича, то это потому, что ее значение весьма существенно: болезнь наследника имела последствием появление *Распутина*, которому довелось быть столь значительным фактором в событиях, ознаменовавших конец царствования Николая II.

Какою безмерною радостью было девять лет тому назад для императрицы и императора рождение так горячо желанного сына, наследника, которого так нетерпеливо ждали. Все прошлые горести, казалось, были забыты, и эра счастья должна была открыться для них. Но, увы, — это была только короткая передышка, за которой последовали горькие несчастья: во-первых — кровопролитные рабочие беспорядки на улицах Петербурга 9 января 1905 года, воспоминание о которых легло на всю их жизнь кошмаром ужаса, а во-вторых, — плачевная ликвидация русско-японской войны. Их единственным утешением в эти мрачные дни было их возлюбленное дитя, но, увы, обнаружилось, что наследник — болен гемофилией. С этой минуты жизнь матери была сплошным терзанием. Ведь ей знакома была эта страшная

Мать и сын

**Императрица Александра Федоровна у изголовья
больного царевича. Спала 1912 г.**

болезнь: она знала, что ее родные дядя и брат, и двое из их потомков умерли от гемофилии. С детства она слышала, что о болезни этой говорили как о чем-то ужасном и таинственном, против чего люди бессильны. И вот теперь и сын ее единственный, — ребенок, которого она всем материнским сердцем больше всего на свете любила, — болен той же болезнью, и смерть уже сторожит его, неотступно по следам идет шаг за шагом... и придет день, когда она унесет его, как уже унесла столько детей из их семьи. О, надо бороться, надо спасти его во что бы то ни стало! не может же быть, чтобы наука была бессильна; ведь лекарство, которое могло бы его спасти, быть может, существует, и, возможно, его найдут! Врачи, хирурги, профессора были призваны, совещались на консилиумах, но тщетно пробовали все средства.

Когда мать поняла, что ей нельзя ждать никакой помощи от людей, — у ней осталась надежда только на Бога. Он Один мог сделать чудо! Но чтобы Он явил это чудо, надо заслужить его! И вот, и так уж очень набожная, она всецело отдалась православной вере — ушла вся в религию, с тою же страстностью и с тем же пламенным порывом, как привыкла делать все. Жизнь во дворце приняла характер строгий, почти затворнический. Избегали всяких празднеств и сократили, насколько возможно, число официальных торжеств. Царская семья мало-помалу уединилась в тесном кругу своих.

Однако, между припадками болезни ребенок каждый раз вновь оживал, поправлялся на время, забывал свои страдания и, веселый, снова принимался за свои игры. Никто бы не мог подумать тогда, что он носит в себе неумолимую болезнь. И каждый раз, как императрица снова видела его с порозовевшими щеками, каждый раз, как она слышала его жизнерадостный смех, когда она присутствовала при его шалостях, — надежда снова наполняла ее сердце, и она говорила себе: «Бог услышал меня. Он сжалился, наконец, над моей скорбью». Но внезапно болезнь снова обрушивалась на ребенка, бросая его в объятие все тех же тяжких страданий, — и опять он был на волосок от смерти.

Месяцы проходили, ожидаемое чудо не проявлялось, а припадки следовали один за другим, жестокие, неумолимые. Самые усердные, самые горячие молитвы не привели к ниспосланию благодати Божией, столь пламенно ожидаемой. Последняя надежда обманула, словно несбыточная мечта. Безграничное уныние наполнило душу императрицы, ей казалось, что весь мир отступил от нее.

Тогда к ней был приведен простой сибирский крестьянин Распутин. И этот человек ей сказал: «Верь, что сбудется по молитве твоей; верь в могучую силу предстательства моего, и сын твой будет жив». Мать ухватилась за надежду, которую тот ей подавал, как утопающий хватается за соломинку; она поверила ему всюю силою души своей. Она допустила мысль, что этот смирен-

Государь с Наследником

Государь с наследником на палубе императорской яхты «Штандарт».

ный мужик послан Богом, чтобы спасти того, кто был надеждой нации. Исключительная сила и полнота ее веры сделали остальное, и вот простым самовнушением, которому способствовали случайные совпадения, она убедила себя, что участь ее ребенка зависит от этого человека.

Распутин вполне разобрался в состоянии души отчаявшейся матери, сломленной борьбой и дошедшей до крайнего предела страдания; он понял все выгоды, какие можно отсюда извлечь, и, благодаря дьявольской ловкости, добился того, что связал свою жизнь с жизнью ребенка.

Впрочем, чтобы понять нравственное влияние Распутина на императрицу, надо знать то значение, каким пользуются в жизни верующих, в православном мире, так называемые «старцы», влияние которых в России значительно еще и в наши дни, а в глуши много сильнее влияния священников и монахов. По их верованию, Бог дает «старцу» указания, дает ему познать те пути, которыми он должен вести их к спасению.

«Старец» — на земле хранитель идеала и истины. Он — блюститель священного предания, которое должно передаваться от старца к старцу до дня пришествия царства вечной Правды и Света.

Трудно представить себе более тесную и дружную семью, чем семья Николая II. Вокруг наследника, естественно, сосредоточивалась вся любовь, вся нежная заботливость родных. Родители и сестры обожали его. Когда он выздоравливал, весь дворец словно преображался; это был луч солнца, освещавший все и всех.

Алексей Николаевич был умный, сметливый и живой ребенок, в высшей степени сердечный и полный восторженности и пламенных порывов. Очень простой от природы, чуждый всякого высокомерия и тщеславия, он нисколько не кичился тем, что был наследником, и самым большим счастьем для него являлась возможность поиграть с сыновьями своего матроса Деревеньки, мальчуганами немногим моложе его. Он глубоко преклонялся перед отцом, боготворил его и старался подражать ему во всем. Богато одаренный от природы мальчик прекрасно развивался, но недуг задерживал его развитие. После каждого припадка приходилось неделями, а иногда месяцами беречь его; когда же кровотечение бывало особенно сильным, последствием его являлась общая анемия, запрещающая больному — и часто надолго — всякий напряженный труд. Можно было пользоваться только передышками, которые давала болезнь, что делало, несмотря на блестящие способности наследника, задачу обучения его крайне затруднительной.

Сестры цесаревича были очаровательны своей свежестью и здоровьем. Они отличались необыкновенной добротой и крайней простотой. Старшая из великих княжен, Ольга Николаевна, выказывала незаурядный ум и основательные способности, но в общем, великие княжны были недостаточно образованы. Это происходило оттого, что мать, вначале очень близко следившая за образованием дочерей, принуждена была отказаться от этого вследствие расшатанного состояния

Вел. кн. Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия

Великие княжны Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия. Царское Село. Александровский дворец. 1916 г.

своего здоровья. Болезнь Алексея Николаевича надломила и ее, как она ни крепилась. В минуту опасности для сына, во время припадков, мать всецело отдавалась ему, не рассчитывая своих сил, с поразительными энергией и самопожертвованием. Но когда опасность проходила, наступала реакция, и императрица неделями лежала, вытянувшись на откидном кресле, вся разбитая, окончательно надорвавшаяся от сверхъестественного напряжения.

Жена и мать прежде всего — императрица обожала своего мужа и детей и чувствовала себя счастливой только среди них. Прекрасно образованная и с большими художественными задатками, она любила чтение и искусство. Соединяя в себе непосредственность с осторожной сдержанностью, царица находила удовольствие в жизни созерцательной, в долгих глубоких размышлениях, и часто настолько уходила всей душой во внутренний мир, что отрывалась от него лишь при появлении опасности; тогда она со свойственным ей страстным пылом боролась с препятствиями. Одаренная прекраснейшими душевными и нравственными качествами, она всегда руководствовалась самыми благородными стремлениями и имела только одну цель в жизни — счастье своих. Но страдание сокрушило ее, она стала только тенью самой себя, а в последние годы жизни на нее часто находили минуты мистического экстаза, не позволявшие ей тогда уже правильно разбираться ни в чем и ни в ком.

Если императрица и стала принимать к концу царствования императора Николая II все больше участия в государственных делах, то, делала она это вовсе не из честолюбия или жажды власти, как это говорили, а только потому, что считала своим долгом прийти на помощь мужу, чувствуя, что на него навалилось тяжкое и со дня на день все более ответственное бремя. Доведенная до полного изнеможения, царица могла желать только покоя, но жертвовала душевным миром и личным спокойствием тому, что, по ее мнению, являлось долгом. Она вносила в эту новую борьбу все то же мужество, все то же самоотвержение, но, увы, и то же ослепление, которое она обнаруживала, отстаивая жизнь своего ребенка. Убеденная, что династия может найти поддержку только в народе и что Распутин является избранником Божиим, императрица думала, что смиренному крестьянину своими сверхъестественными откровениями суждено прийти на помощь тому, кто держит в руках судьбу всего царства. Ее влияние в этом направлении на государя было бесспорно сильным и злополучным. Она сделала из политики вопрос чувства и личностей и слишком часто руководилась своими собственными симпатиями и антипатиями или лиц, ее окружавших. От природы восприимчивая, императрица была пристрастна к тем, кого считала искренне преданными родине и династии, и оказывала им полнейшее доверие.

По воле злого рока императору Николаю II пришлось царствовать в начале XX века, в самое

Императрица Александра Федоровна

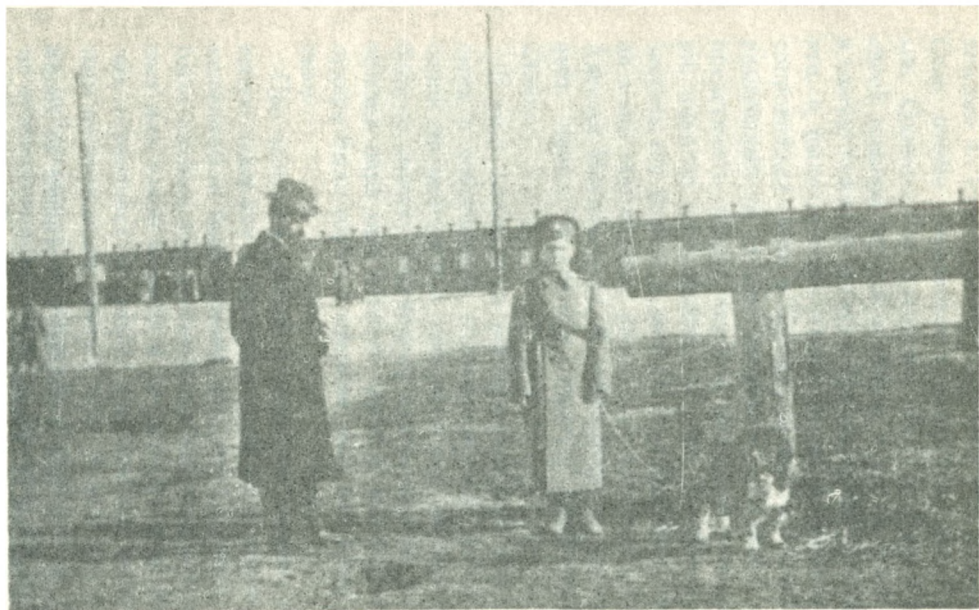
Сестра милосердия — императрица Александра Федоровна. Окончив курсы сестер милосердия, императрица и две старшие ее дочери приняли на себя заботу о раненых. Вел. кн. Татьяна Николаевна работала в хирургическом отделении госпиталя.

смутное время, какое только знала история, — он же был человек совсем другой эпохи. Замечательно одаренный душевными качествами, царь был полным воплощением русской природы во всем, что в ней есть благородного и рыцарского; но он был слишком добр и скромнен. Поразительно цельный в своем прямотии и честности — государь был рабом раз им данного слова. Верность союзникам, послужившая, по-видимому, причиной его смерти, более, чем убедительно, это доказывает. Он презирал всякую дипломатию и был мало подготовлен к борьбе, почему и был раздавлен событиями. Прекрасный семьянин, — император был бы совершенно счастлив, если бы мог жить своей домашней жизнью, как простой смертный; но, безропотно подчинившись своей судьбе, он с глубокой покорностью принял крест, который Бог на него возложил. Царь любил свой народ и свою отчизну всеми силами своей души, всем существом своим; больше же всего любил он простой народ, — крестьян, быт которых он искренне хотел улучшить. Таков печальный удел монарха, который в течение всего царствования стремился сблизиться с народом и не нашел способа сделать это. Правда, его хорошо оберегали, — и как раз те, кому был расчет этого не допустить.

Такова была обстановка, когда нагрянули события 1914 года. Распутин был в то время в Сибири. Спрошенный императрицей, он отвечал, что надо избежать войны во что бы то ни стало, если не хотят навлечь на страну самые злые бедствия.

Этот совет вполне отвечал внутреннему голосу императора, в миролюбии и в горячем желании которого остановить войну нельзя сомневаться. Но настал момент, когда честолюбие и вероломство германцев привело Европу к катастрофе. Вспыхнула война... Никогда царь не был более популярным, чем тогда, и путешествие его в Москву, в августе 1914 года, было сплошным, бесконечным торжеством народной любви. Но злой рок не дремал, — приближался час злополучного оборота судьбы, и вскоре несчастное отступление (весной 1915 года) ясно показало слабость армии, глубокую дезорганизацию тыла и полную невозможность снабдить войска оружием и припасами.

Тогда-то (летом 1915 года) император, на которого сильно повлияла в этом направлении императрица, решил принять верховное командование армиями. Это решение было вызвано двумя причинами: желанием своим присутствием ободрить деморализованные поражением войска, вернув им веру в себя, и намерением разрушить заговор, который, как предполагали, замышлялся в ставке, с целью удалить императрицу от двора и заточить ее в монастырь. Это решение имело, с политической точки зрения, в высшей степени важные последствия и еще более ухудшило дурное отправление правительственного аппарата. Но император, сознавая всю серьезность положения и подозревая кругом обман, считал своим долгом не щадить себя и не отступать перед новой ответственностью. Он уехал в Ставку и поместился в губернаторском доме. Из Могилева,

Наследник и П. Жильяр в Ставке

Царевич Алексей в Ставке в Могилеве со своим воспитателем П. Жильяром.

каждые 4—5 недель, государь приезжал в Царское Село, чтобы заниматься государственными делами. Одиночество тяготило его: он был лишен своей главной отрады в жизни — семьи и притом в самую тяжелую минуту. Императрица понимала это, и было решено, чтобы Алексей Николаевич сопровождал отца в Ставку. И вот она впервые разлучалась со своим ребенком, — можно себе представить, какой жертвой это было для матери, никогда не покидавшей сына без боязни не застать его больше в живых. Императрица просила меня при отъезде ежедневно оповещать ее об Алексее Николаевиче. Я добросовестно выполнял этот приказ за все дни нашего пребывания в Ставке.

В виду недостатка места император поместил сына в собственной спальне, всегда брал его с собой на прогулки и посвящал ему каждую свободную минуту. Несколько раз наследник сопровождал царя при объезде фронта, так как у государя было горячее желание показать сына войскам.

При всем том, жизнь в Могилеве вносила серьезную задержку в классные занятия Алексея Николаевича и была вредна для его здоровья. Там было столько впечатлений, притом слишком сильных для такой нежной и хрупкой натуры. Мальчик становился нервным, рассеянным, неспособным на производительный труд. Я доложил о своих наблюдениях императору. Признавая их вполне основательными, он возразил мне, что все эти отрицательные стороны вознаграждаются тем, что

Алексей Николаевич теряет здесь свою природную застенчивость и нелюдимость, и что от зрелища всех бедствий и горя у него на всю жизнь останется столь спасительное для него в будущем отвращение к войне.

Императрица и ее дочери от времени до времени приезжали ненадолго в Могилев. Они жили в поезде, принимали участие в прогулках, и император проводил с ними часть вечера.

Так прошло лето. После нескольких мимолетных успехов, одержанных армией весной, она была снова вынуждена ограничиваться исключительно обороной. Надо было ждать, чтобы обещанная союзниками и так настоятельно необходимая материальная помощь была доставлена на место. Политическая атмосфера, все сгущаясь, становилась невыносимо тяжелой, и гроза чувствовалась совсем близко. Кругом страдали. Утомление войной и лишения вызвали общее недовольство, которое, несмотря на цензуру, начало усиленно проявляться в прессе. Дума вступила в открытую борьбу с правительством, стараясь сделать его ответственным за все ошибки и разочарования, испытанные в течение этой, столь популярной в начале войны. Министерства следовали одно за другим и падали в бессилии, едва успев образоваться. Неурядица и смута увеличивались со дня на день, и междоусобица углублялась. Единственно, на чем все сходились — это на необходимости положить конец всемогуществу Распутина, ставшего предметом общей ненависти и проклятий. Все видели в нем злополучного советчика при

Вел. кн. Ольга, Татьяна, Анастасия

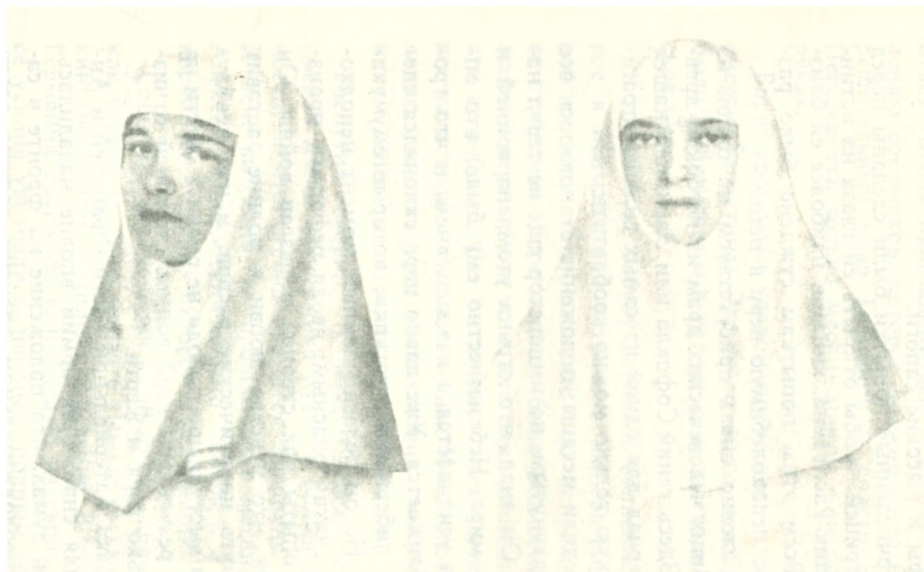
Великие княжны Ольга, Татьяна и Анастасия в Могилеве с семьей железнодорожного рабочего.

дворе и считали его ответственным за бедствия, которые претерпевала родина. Его обвиняли во всех пороках и распутствах, сделав из него сказочное страшилище, невероятно грязное и гнусное, способное на всякую низость и подлость, не останавливающееся ни перед каким позором. Для многих Распутин был олицетворением Сатаны, — в нем видели антихриста, чей приход с таким трепетом ждут на земле, как начало самых страшных бедствий.

Но кем же он был в действительности?

Я пришел к убеждению, что Распутин был сбившийся с пути мистик, обладавший психической силой над отдельными лицами. Одаренный большой силой воли, Распутин обладал поразительным умением быть выдержанным и до крайности осторожным, когда того требовали обстоятельства; он умел неусыпно наблюдать за собой, чтобы при дворе как-нибудь не открылась его порочная жизнь. Лишь только его звали во дворец, он тщательно воздерживался от всяких спиртных напитков; вначале он даже являлся на эти приглашения весь дрожа, — так велик был его страх впасть в немилость.

За три года, что я прожил в Александровском дворце, в непосредственной близости от покоев Алексея Николаевича, мне привелось всего один только раз встретиться с Распутиным. Я столкнулся с ним в подъезде дворца и имел достаточно времени разглядеть его. Это был человек высокого роста с исхудалым лицом, с серо-голубыми глазами, насквозь пронизывающими и глубоко

Сестры милосердия — великие княжны Ольга и Татьяна

сидящими под нависшими пучками бровей. На нем была синяя, шелковая русская рубаха, черные шаровары и высокие сапоги.

Многочисленные попытки были сделаны перед императрицей, чтобы открыть ей глаза на истинный облик Распутина, лицами, наиболее ей близкими. Всем этим попыткам суждено было разбиться о непоколебимую веру в него.

Мы словно снова присутствуем на одной из величайших человеческих драм из глубокой древности. Здесь гений Софокла или Эврипида нашел бы материал для одной из самых сильных трагедий, какую только можно вообразить.

Проходили месяцы; положение становилось все более натянутым, но император еще не терял надежды. Он знал, что страна утомлена войной и жаждет мира. Небезызвестно ему было, что оппозиция усиливается с каждым днем, и что гроза приближается. Уже давно царь склонялся сделать те либеральные уступки, которые ему указывали. Но он полагал данный момент неподходящим, считая опасным, вводя реформы, производить опыты над страной в разгар войны. Он надеялся, что чувство любви к родине заставит замолкнуть политические распри, и что необдуманном выступлением люди не рискнут свести на нет все результаты этой войны, стоившей отчизне столько горя и жертв.

Поставка материальной части Францией и Англией для снабжения армии вполне наладилась. Государь думал, что положение на фронте в самом непродолжительном времени должно сразу

улучшиться. Он был убежден, что к весне армия будет готова присоединиться к общему наступлению союзников, которое должно было нанести решительный удар Германии и спасти Россию. Перетерпеть только месяц—другой — и победа в руках.

Вдруг громовым ударом пронеслось известие о смерти Распутина. Это было 30-го декабря; мы были в Могилеве и в тот же день выехали в Царское Село.

Я никогда не забуду глубокое волнение, которое я испытал при встрече с императрицей. Ее расстроенное лицо выдавало всю напряженность ее страдания. Горе царицы было безмерно. Сломали ее веру, убили того, кто один лишь мог спасти ее ребенка. Раз он погиб, — все злополучия, все катастрофы уже возможны. И началось ожидание, мучительное предчувствие неизбежного, ничем теперь не отвратимого несчастья...

Распутин говорил, что через 6 недель после его смерти жизнь наследника будет в большой опасности, и что страна окажется накануне гибели. И действительно, не прошло двух месяцев, как Алексей Николаевич опасно заболел, а Россия корчилась в первых судорогах революции!

События, все ускоряя свой темп, пронеслись, как ураган, и 15-го марта в Пскове государь, покинутый всеми, подписал отречение. В этот день Германия одержала величайшую из своих побед: ее усилия увенчались, наконец, полным успехом: император пал, и Россия была вся в ее руках.

Терзания императрицы в эти дни, — когда она без всякого известия об императоре, в полном отчаянии просиживала дни и ночи у изголовья больного сына, — превзошли все, что можно себе представить. Это было последнее испытание. Пройдя его, исстрадавшаяся душа обрела в нем ту тихую ясность, то дивное, сияющее неземным светом спокойствие, которым суждено было подерживать как ее, так и близких, по самый день их смерти.

Человечество всегда благоговейно преклонялось перед несчастьем и страданием. Это чувство его облагораживает. И никогда оно не могло бы быть более уместным, как здесь, по отношению к великому и страждущему облику бывшей императрицы Александры Федоровны. Она была из числа тех редких, сильных духом людей, на которых рок обрушивается за то, что их трудно разбить, и они способны страдать почти до бесконечности.

III. ОТРЕЧЕНИЕ И ЦАРСКОСЕЛЬСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После долгих колебаний император решил отправиться 8 марта 1917 г. в Могилев. Его беспокоил тот оборот, который принимали события, и он предвидел осложнения, но все-таки считал своим долгом ехать в ставку. Отъезд волновал особенно императрицу, так как к опасениям, вызванным политическим положением, прибавлялось беспокойство за Алексея Николаевича. Наследник лежал в кровати уже несколько дней, захворав корью, и разные осложнения ухудшали состояние его здоровья. Несчастья увеличивались тем, что заболели также три великие княжны, и Мария Николаевна одна могла быть поддержкой матери. При таких условиях император оставил Царское Село.

10 марта мы узнали, что в Петрограде вспыхнули волнения, и что между полицией и манифестантами произошли кровопролитные столкновения. Дело в том, что в течение последнего времени все более чувствовался острый недостаток продовольствия. Это вызвало взрыв недовольства в рабочих кварталах. Произошли демонстрации, и толпы народа двинулись к центру города, требуя хлеба.

Я понял, что государыня была чрезвычайно озабочена, так как против обыкновения она заговорила со мной о политических событиях и сказа-

ла, что Протопопов обвиняет социалистов, старающихся пропагандой воспрепятствовать снабжению продовольствием города, чтобы вызвать революцию.

11 марта положение сделалось сразу критическим, и самые тревожные вести стали приходить к нам одна за другой. Беспорядки охватили весь город, и войска, которые были вызваны накануне для их прекращения, отказались действовать.

Я узнал также, что был получен указ императора о назначении перерыва в занятиях Думы, но, в виду происходящих событий, Дума не разошлась и организовала исполнительный комитет для восстановления порядка в городе.

На следующий день уличные беспорядки возобновились с большею силою, и мятежникам удалось захватить арсенал. Вечером мне сказали по телефону из Петрограда, что запасные батальоны нескольких полков гвардии: Преображенского, Павловского и других, присоединились к восставшим. Эта весть ошеломила императрицу. Уже два дня она была в большом беспокойстве, сознавая надвигающуюся опасность. Она обходила комнаты дочерей и сына, здоровье которого еще более ухудшилось, стараясь скрыть от них свои тяжелые переживания.

13-го, в 9^{1/2} часов утра, когда я вошел в комнату Алексея Николаевича, императрица сделала мне знак следовать за ней в соседнюю залу. Здесь она сказала мне, что вся столица находится в руках революционеров, и что Дума образовала временное правительство, во главе ко-

того стал Родзянко, и затем прибавила: «Дума показала себя стоящей на высоте положения и поняла, как мне кажется, опасность, которая угрожает стране, но я боюсь — не слишком ли поздно? Уже образовался комитет из социалистов-революционеров, не признающий этого правительства. Я получила телеграмму от государя. Он сообщает о своем прибытии в 6 часов утра и желает, чтобы мы переехали в Гатчину или отправились навстречу ему. Приготовьтесь к отъезду».

Распоряжения сделаны. Императрица переживает сильнейшее беспокойство. Она сообщила Родзянко о тяжелом состоянии наследника и великих княжен. Родзянко ответил: «Когда дом горит, начинают с того, что выносят больных».

В 4 часа доктор Деревенко приходит из лазарета и сообщает нам, что весь петроградский узел железных дорог уже занят революционерами, что мы не можем ехать, и что мало вероятно, чтобы и государь мог прибыть.

Вечером, около 9 часов, баронесса Буксгевден входит ко мне. Она узнала, что царскосельский гарнизон восстал, и что на улицах стреляют. Надо предупредить императрицу, которая у великих княжен. Императрица выходит, и баронесса рассказывает ей о происходящем. Мы подходим к окнам и видим генерала Ресина во главе двух рот сводно-гвардейского полка, занимающих площадку перед дворцом. Вдоль решетки парка — сильные посты; люди, выстроившись в четыре шеренги, стоят, изготовившись к стрельбе. В тот же момент мы узнаем по телефону, что мятеж-

ники приближаются к нам, и что ими только что убит полицейский, на расстоянии каких-нибудь пятисот шагов от нас. Ружейные выстрелы раздаются все ближе, и столкновение у дворца нам кажется уже неизбежным. Императрица, в ужасе, что кровь может пролиться на ее глазах, быстро выходит из дворца и приближается к солдатам, чтобы как-нибудь предотвратить кровопролитие. За нею следом спешит Мария Николаевна. Императрица умоляет выслать парламентаров к восставшим. Момент потрясающий. Сердца сжимаются у всех. Малейшая неосторожность — и начнется резня. Но вот, офицеры с обеих сторон выходят вперед, и переговоры начинаются. Они обращаются затем к солдатам. Увещевания старших и стойкость оставшихся верными войск действуют на мятежников. Возбуждение мало-помалу проходит, и дело кончается установлением нейтральной зоны между обеими сторонами.

Так проходит ночь, а утром распоряжение временного правительства кладет конец создавшемуся положению.

Около полудня императрица вызывает великого князя Павла и спрашивает, не знает ли он, где государь. Великому князю ничего неизвестно. Он говорит императрице, что только немедленное объявление конституции могло бы отвести опасность, которая грозит стране. Императрица присоединяется к его мнению, но она бессильна что-либо сделать, так как уже второй день не может сообщаться с государем. День 15 марта проходит в нервном ожидании раздвигающихся со-

бытий. Ночью, около 3½ часов, Боткина приглашает к телефону один из членов временного правительства и спрашивает о состоянии здоровья Алексея Николаевича. (По городу, как мы это потом узнали, распространился слух о смерти наследника).

Волнение императрицы продолжается и на следующий день. Уже трое суток она ничего не знает о государе, и вынужденное бездействие усиливает ее беспокойство.

Около полудня до дворца доходит весть об отречении императора. Императрица об этом тоже узнает, но с негодованием отвергает этот слух, как злостную выдумку. Немного погодя приходит великий князь Павел и эту весть подтверждает. Сомнений нет. Император отрекся накануне вечером в Пскове в пользу своего брата Михаила Александровича.

Отчаяние императрицы беспредельно, но ее огромное мужество ее не оставляет. Я вижу ее снова вечером у Алексея Николаевича: ее лицо невозмутимо, но на нем лег отпечаток силы воли почти сверхчеловеческой. Она пришла, как обычно, к своим детям, чтобы ничто не смущало больных, которые ничего не знают о том, что произошло со времени отъезда государя в ставку. Поздно ночью мы узнаем, что великий князь Михаил тоже отрекся, и что судьбу России должно решить учредительное собрание.

На следующий день я встречаю императрицу у Алексея Николаевича. Она спокойна, но очень

бледна. Она страшно похудела и постарела в несколько дней.

Днем императрица получает телеграмму от государя, в которой он старается ее успокоить и сообщает, что ожидает прибытия в Могилев вдовствующей государыни, своей матери.

Проходят три дня. 21 марта, в 10¹/₂ часов утра, императрица зовет меня к себе и говорит, что генерал Корнилов приезжал ей объявить от имени временного правительства, что государь и она арестовываются, и что все, кто не желает подчиняться тюремному режиму, должны покинуть дворец до 4 часов. Я ответил, что остаюсь.

«Государь возвращается завтра, надо предупредить Алексея и сказать ему все... Прошу Вас это сделать, я же поговорю с дочерьми»...

Видно, как она страдает при мысли о волнении, которое должно причинить больным дочерям известие об отречении отца.

Я вхожу к Алексею Николаевичу и говорю ему, что государь возвратится из Могилева и туда больше уже не поедет.

«Отчего?»

«Потому, что ваш отец больше не хочет быть верховным главнокомандующим».

Эта весть его очень огорчает, так как он любил ездить в ставку.

Через некоторое время я добавляю: «Вы знаете, Алексей Николаевич, ваш отец больше не хочет быть императором».

Он смотрит на меня испуганно, стараясь прочесть на моем лице, что произошло.

«Как? Почему?»

«Потому, что он очень устал и перенес много тяжелого в последние дни».

«Ах, да. Мама мне говорила, что остановили его поезд, когда он ехал сюда. Но папа будет императором потом опять?»

Я ему объясняю тогда, что император отрекся в пользу великого князя Михаила, который отрекся в свою очередь.

«Но тогда кто же будет императором?»

«Я не знаю, теперь — никто»...

Ни одного слова о себе, ни одного намека на свои права, как наследника. Он густо покраснел и волнуется.

После нескольких минут молчания он говорит: «Если больше нет императора, кто же будет управлять Россией?»

Я ему объясняю, что образовалось временное правительство, которое будет заниматься делами государства до созыва учредительного собрания, и что тогда, может быть, его дядя Михаил взойдет на престол.

Лишний раз я поражаюсь скромностью и великодушием этого ребенка.

В 4 часа ворота дворца закрываются. Мы арестованы. Сводногвардейский полк заменяется другим полком царкосельского гарнизона, и часовые отныне будут нас стеречь.

22 марта, в 11 часов утра, государь, наконец, приезжает в сопровождении гофмаршала князя Долгорукова. Он тотчас же поднимается к детям, где его ожидает императрица.

После завтрака он входит в комнату Алексея Николаевича, где я в это время нахожусь, и здоровается со мной с своею обычною простотою и приветливостью. Но взглянув на его лицо, бледное и осунувшееся, я понял, как много он перенес.

Возвращение императора было, несмотря на грустные события, днем большой семейной радости. Императрица, Мария Николаевна и остальные дети, узнав подробности происшедшего, были вне себя от беспокойства за его участь, и чувство страха, которое они испытывали, не прекращалось до его приезда. Поэтому они почувствовали большое облегчение, оказавшись снова вместе, после столь тяжелых испытаний. Им казалось, что их бесконечная любовь друг к другу поможет им перенести все страдания.

Несмотря на редкое умение владеть собой, государь не мог скрыть пережитого потрясения, но он быстро оправлялся среди семьи. Он отдавал ей большую часть дня, а остальное время читал или гулял с князем Долгоруковым. Ему было воспрещено заходить в парк, но оставили для прогулок небольшой сад у дворца, теперь уже окруженный цепью часовых. Император относился ко всем строгостям с полным спокойствием и покорностью. Никогда ни одно слово упрека не сошло с его уст. Одно чувство им владело, и оно было еще могущественнее, чем привязанность к семье: это — любовь к своему отечеству. Он был готов все простить тем, кто ему причинял унижения, если они сумеют спасти Россию.

Государь в Царскосельском парке

**В марте 1917 г., в Царскосельском заключении,
Государь очищает от снега дорожку в парке.**

Императрица проводила почти все время сидя в кресле в комнате дочери или у сына. Волнения сломали ее физически, но морально ей стало легче с того дня, как вернулся государь. Она была рада, что больше уже не надо бороться, и что теперь можно полностью отдаться тем, кого она так горячо любила. Мария Николаевна, бывшая единственной поддержкою матери в революционные дни, одна еще причиняла ей беспокойство. Она заболела гораздо позднее сестер, и ее положение осложнялось пневмонией злокачественного характера; ее организм, хотя и крепкий, боролся с болезнью с трудом. К счастью, остальным детям было лучше, и они уже выздоравливали.

Мы думали, что наше заключение в Царском Селе будет непродолжительным, и ждали отправления в Англию. Но дни проходили, а наш отъезд все откладывался: временное правительство принуждено было считаться с передовыми элементами, и его власть постепенно уже уходила. Мы были всего только в нескольких часах езды от финляндской границы, и Петроград был единственным серьезным препятствием, а потому казалось, что, действуя решительно и тайно, можно было бы без большого труда достичь одного из финляндских портов и вывезти затем царскую семью за границу. Но никто не хотел брать на себя ответственность, и каждый боялся себя скомпрометировать. Таким образом императорская семья прожила в Царском Селе до августа. В течение пяти месяцев заключения я вел дневник, из которого приведу выдержки.

Воскресенье 1 апреля. Алексей Николаевич чувствует себя лучше, и мы отправились утром в церковь, где уже застали императора, императрицу, великих княжен Ольгу и Татьяну и несколько лиц свиты, разделяющих с нами заключение. Когда священник молился за победу русской армии и армии союзников, император и императрица преклонили колена, и все последовали их примеру.

Несколько дней тому назад, выйдя ночью от Алексея Николаевича, я встретил десяток солдат, бродивших в коридоре. Я подошел к ним и спросил, что им нужно. «Мы хотим видеть наследника». «Он лежит в кровати, и видеть его нельзя». «А другие?» «Они тоже больны». «А где царь?» «Я не знаю». «Он пойдет гулять?» «Мне неизвестно, но уходите отсюда, не надо шуметь, чтобы не беспокоить больных». Тогда они стали выходить осторожно, приподнявшись на носках и разговаривая шепотом. Вот они — эти солдаты, которых изображают жестокими революционерами, ненавидящими их бывшего императора!

Вторник 3 апреля. Керенский приезжал сегодня в первый раз во дворец. Он обошел все комнаты, проверил посты и часовых, желая лично удостовериться, что нас хорошо стерегут. Перед отъездом он довольно долго говорил с государем и государыней.

Пятница 6 апреля. Император мне говорил сегодня о глубокой скорби, которую он испытывает, читая газеты. Армия гибнет. Дисциплина не существует. Офицеры боятся солдат, которые

следят за ними. Государь страдает, видя, как рушится армия, которую он так любит.

Воскресенье 8 апреля. После обедни Керенский объявляет государю, что он должен отделить его от императрицы... Государь может ее видеть только за обеденным столом и при условии разговора непременно по-русски. Чай можно также пить вместе, но в присутствии офицера.

Некоторое время спустя императрица, взволнованная, подходит ко мне и говорит: «Поступать так по отношению к государю, делать ему такую неприятность после того, что он пожертвовал собой и отрекся, чтобы избежать гражданской войны, — как это гадко и низко! Государь не хотел, чтобы кровь хотя бы одного русского пролилась за него. Он всегда был готов отказаться от всего, если бы у него была уверенность, что это нужно для блага России». Немного погодя, она добавила: «да, надо перенести и эту горечь»...

Понедельник 9 апреля. Я узнал, что Керенский хотел сначала совершенно отделить императрицу, но ему заметили, что было бы бесчеловечно разлучать мать с больными детьми; тогда он решил принять эту меру по отношению к государю.

13 апреля, страстная пятница. Вечером вся семья исповедуется.

Суббота 14 апреля. Утром в 9½ часов — обедня и Святое Причастие. Вечером, в 11½ часов, все встречаются в церкви у заутрени. Полковник Коровиченко, комендант дворца и друг Керенского, и три офицера охраны тоже присутствуют. Служба продолжается до двух часов, потом все

отправляются в библиотеку для традиционных взаимных поздравлений. Государь, по русскому обычаю, христосуетя со всеми присутствующими мужчинами, в том числе с комендантом дворца и состоящим при нем офицером. Я замечаю при этом, что оба смущены сердечным порывом царя. Затем все садятся вокруг круглого стола для пасхального ужина. Государь и государыня сидят друг против друга. Нас — семнадцать человек, включая двух офицеров охраны. Отсутствуют великие княжны Ольга и Мария и Алексей Николаевич. Всеобщее оживление, бывшее в начале ужина, вдруг сразу обрывается. Государыня становится молчаливой и грустной.

Воскресенье 15 апреля, Пасха. Мы выходим в первый раз с Алексеем Николаевичем на террасу дворца. Чудесный весенний день. Вечером, в 7 часов — богослужение наверху, в помещении детей. Нас всего человек пятнадцать. Я вижу, что государь набожно крестится в тот момент, когда священник молится за временное правительство России.

На следующий день погода была превосходная. Мы выходим в парк, где нам теперь разрешают гулять в сопровождении офицеров охраны и солдат. Желая немного заняться спортом, мы начинаем оживленно разбивать лед на шлюзах пруда. Толпа солдат и других лиц тотчас же собирается у решетки парка, — смотрят, как мы работаем. Некоторое время спустя офицер охраны подходит к государю и говорит, что начальник царско-сельского гарнизона прислал сказать, что он бо-

Вел. кн. Анастасия, Мария, Татьяна

Великие княжны Анастасия (слева) и Татьяна (справа) около выздоравливающей после болезни Марии Николаевны. Апрель 1917 г.

ится враждебной демонстрации или даже покушения на царскую семью, и поэтому просит нас уйти в другое место. Государь отвечает, что он нисколько не боится, и эти люди его не стесняют.

Пятница 20 апреля. Мы теперь гуляем два раза в день: утром — от 11 до 12 час., после завтрака — от 2½ час. до 5. Все собираются в круглом зале, и мы ждем начальника охраны, который открывает двери в парк. Мы выходим; дежурный офицер и солдаты идут за нами и окружают место, где мы останавливаемся работать. Императрица и княжны Ольга и Мария пока не выходят из комнат.

Воскресенье 22 апреля. Воспрещено доходить до пруда; мы должны оставаться около дворца и не переходить указанной нам черты. Сегодня, выйдя на прогулку, мы увидели толпу из нескольких сот любопытных, желающих на нас посмотреть.

Среда, 25 апреля. Керенский прибыл во дворец. Доктор Боткин этим воспользовался, чтобы спросить, нельзя ли перевезти царскую семью в Ливадию по случаю болезни детей. Керенский ответил, что в настоящее время это совершенно невозможно. Он идет затем к императору и императрице и остается у них довольно долго. Отношение Керенского к государю не то, что было вначале, и он уже перестал напускать на себя вид вершителя судеб. Я уверен, что он начинает понимать государя и чувствовать его моральное совершенство, что случается со всеми, кто его ближе узнает.

Воскресенье, 29 апреля. Вечером — продолжительный разговор с императором и императрицей по поводу уроков Алексея Николаевича. Надо как-нибудь выходить из положения, потому что у нас нет более учителей. Государь соглашается взять на себя преподавание истории и географии, а государыня — Закона Божьего. Остальные предметы будут распределены между баронессой Буксгевден (английский язык), госпожой Шнейдер (арифметика), доктором Боткиным (русский язык) и мною.

Четверг, 3 мая. Император сказал мне вечером, что последние дни приносят дурные вести. Крайние партии требуют, чтобы Франция и Англия объявили о согласии заключить мир «без аннексий и контрибуций». Дезертирство увеличивается, и армия тает. Будет ли временное правительство в состоянии продолжать войну?

Император следит с огромным вниманием за событиями. Он страшно беспокоится, но верит, что страна найдет в себе силы бороться и останется верной союзникам.

Воскресенье, 13 мая. Уже два дня мы заняты устройством огорода в парке. Прежде всего мы начали снимать газон и выносить дернины на носилках, складывая их в кучи. Все принялись за работу: царская семья, мы, прислуга. Несколько солдат из охраны тоже пришли нам помогать.

Государь имеет крайне озабоченный вид. После прогулки он мне сказал: «Похоже, что Рузский вышел в отставку. Он просил о переходе в наступление (теперь просят, а не приказывают), но

солдатские комитеты отказали. Если это так, то наступит конец всему. Какой позор! Защищаться, но не наступать, — это равносильно самоубийству. Сначала мы дадим раздавить наших союзников, а потом наступит наша очередь».

Понедельник, 14 мая. Государь вернулся к нашему вчерашнему разговору и добавил: «Некоторую надежду мне еще подает то, что у нас любят преувеличивать. Я не верю, чтобы армия на фронте была такой, как говорят; в два месяца она не могла до такой степени пасть».

Суббота, 19 мая*. День рождения императора (49 лет), — обедня и поздравления.

Воскресенье, 27 мая. С некоторых пор дают мало дров, и везде — холод. Статс-дама Нарышкина, — гофмейстерина императрицы, — заболела, и сегодня ее увезли, так как состояние ее здоровья требует ухода, которого здесь создать нельзя. Она в отчаянии, что должна нас оставить, и сознает, что ей уже не позволят вернуться во дворец.

Пятница, 15 июня. Мы кончили наш огород, он превосходен. У нас всевозможные овощи и изобилие своей капусты. Прислуга устроила себе второй огород по другую сторону дворца.

Мы все помогали им пахать и государь тоже.

Понедельник, 2 июля. Мы узнали, что у Тарнополя началось наступление, и что оно с успехом развивается.

---

* 6 мая по старому стилю.

Вторник, 3 июля. Молебен по случаю событий на фронте, которые, как будто предвещают решительную победу. Государь, весь сияющий, приносит к Алексею Николаевичу вечерние газеты и вслух читает сообщения.

Воскресенье, 15 июля. В нашем заключении ничего нового. Жарко, и Алексей Николаевич уже несколько дней купается в пруде, омывающем «детский остров». Это доставляет ему большое удовольствие.

Четверг, 2 августа. Я узнал, что временное правительство решило вывезти семью императора. Место назначения держится в тайне. Мы все надеемся, что это будет Крым.

Суббота, 11 августа. Нам объявили, чтобы мы все запаслись теплым платьем. Значит, нас отправят не на юг. Горькое разочарование.

Воскресенье, 12 августа. День рождения Алексея Николаевича (13 лет). По просьбе императрицы приносили чудотворную икону Божией Матери из Знаменской церкви. Обедня. Наш отъезд назначен на завтра. Полковник Кобылинский (он заменил в июне полковника Коровиченко) сообщает мне под величайшим секретом, что мы будем перевезены в Тобольск.

Понедельник, 13 августа. Нам приходят сообщить, что мы должны быть готовы к 12 часам ночи, поезд назначен к часу. Последние приготовления. Прощальные прогулки на «детский остров», огород и пр. Около часа ночи собираемся в полукруглом зале, который весь заставляется багажом. Приехали Керенский и великий князь

Михаил Александрович, — последний пошел к государю. Он был счастлив увидеться с братом перед отъездом. Наш поезд еще не прибыл. Говорят, что произошли осложнения с рабочими петроградских железнодорожных дорог, которые подозревают, что поезд предназначен для царской семьи. Время проходит в томительном ожидании. Будем ли мы в состоянии уехать? Наконец около 5 часов, нам объявляют, что все готово. Мы сердечно прощаемся с остающимися товарищами по заключению. Тяжело расставаться с Царским Селом, с которым нас связывает столько воспоминаний, и этот отъезд в неведомую даль вызывает грустные мысли. В момент, когда автомобили, в которых мы разместились, выезжают из парка, нас окружает отряд кавалерии и провожает до Александровской станции. Мы занимаем места в удобных и хороших вагонах. Проходит полчаса, и поезд начинает медленно двигаться... Часы показывают без 10 минут шесть.

IV. ТОБОЛЬСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трудно в точности определить, чем руководствовался совет министров, решая перевезти царскую семью в Тобольск. Когда Керенский сообщил об этом императору, он объяснил необходимость переезда тем, что временное правительство решило принять самые энергичные меры против большевиков; в результате, по его словам, неминуемо должны были произойти вооруженные столкновения, в которых первой жертвой могла бы оказаться царская семья; а потому-то он, Керенский, и считал своим долгом обезопасить ее от всех возможных случайностей. Другие же, напротив, предполагали, что это решение было лишь трусливой уступкой по отношению к крайним левым, требовавшим изгнания императора в Сибирь, ввиду того, что им непрестанно мерещилось движение в армии в пользу царя. Но как бы то ни было, путешествие императорской семьи из Царского Села в Тобольск произошло в хороших условиях и без значительных инцидентов. Выехав 14 августа в 6 часов утра, мы прибыли 17 вечером в Тюмень, — ближайшая железнодорожная станция к Тобольску, — и пересели здесь через несколько часов на пароход «Русь».

На следующий день мы проходили мимо деревни, где родился Распутин, и царская семья, стояв-

шая на палубе, видела дом «старца», ясно выделявшийся среди прочих изб. В этом событии не было ничего такого, что могло бы удивить своей неожиданностью: Распутин предсказал, что так будет, — и вот теперь случайное стечение обстоятельств подтвердило его слова.

19-го под вечер, внезапно за одним из поворотов реки, мы заметили красивые очертания Тобольска и немного погодя уже подходили к пристани.

Ввиду того, что отведенное для нас помещение не было готово, мы вынуждены были остаться еще несколько дней на пароходе и только 26 августа разместились на нашем новом месте жительства.

Царская семья заняла весь верхний этаж губернаторского дома, просторного и удобного здания. Свита поселилась в доме Корнилова, богатого тобольского купца; этот дом был расположен на другой стороне улицы почти напротив губернаторского. Караул был образован из солдат царско-сельского гарнизона (бывший полк стрелков императорской фамилии), конвоировавших нас в пути. Они были под командой полковника Кобылинского, человека честного, искренне, всем сердцем, привязавшегося к охраняемой им царской семье; он сделал все, что только мог, для того, чтобы облегчить ее участь.

Вначале условия нашего заключения в достаточной мере походили на царскосельские, и нам предоставлялось все необходимое. Чувствовалась только теснота. В самом деле, для прогулок им-

Дом заключения в Тобольске

Дом в Тобольске, где царская семья была заключена с августа 1917 по май 1918 гг.

ператор и дети располагали только очень небольшим огородом и двором, под который отвели часть примыкающей к дому с юго-востока, очень широкой и безлюдной улицы, обнеся ее дощатым забором. Конечно, это было немного, да к тому же здесь приходилось быть все время на глазах у солдат, казарма которых высилась над всей отведенной для нас площадью.

Приближенные лица и прислуга пользовались напротив, гораздо большей свободой, чем в Царском Селе, по крайней мере вначале, и могли бывать не только в городе, но и в окрестностях.

В сентябре в Тобольск приехал комиссар Панкратов, присланный Керенским. Его сопровождал в качестве помощника Никольский, бывший политический ссыльный, как и сам Панкратов. Последний был человек довольно образованный, по природе добрый и мягкий — тип сектанта-фанатика. Он произвел хорошее впечатление на императора, благодаря чему его сразу полюбили и дети. Но зато Никольский был настоящее грубое животное, и вся деятельность его носила в высшей степени злостный характер. Едва успев прибыть, он потребовал от полковника Кобылинского, чтобы нас всех заставили сняться. На возражение же полковника, что такие фотографические снимки совершенно излишни, так как все солдаты хорошо нас знают еще с Царского Села, — Никольский заявил: «нас заставляли исполнять это прежде, а теперь их очередь проделать то же». Пришлось пройти через эту процедуру, и с тех пор каждого из нас снабдили свидетельством

личности с фотографической карточкой и с номером по списку.

Церковные службы справлялись сначала в доме, в большом зале верхнего этажа. Священнику Благовещенской церкви с диаконом и с четырьмя монахинями Иоанновского монастыря было разрешено являться в дом для богослужения. Но за неимением престола и антиминса нельзя было служить обедню. Это было огромным лишением для царской семьи. Наконец, 21-го сентября, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, узникам позволили в первый раз отправиться в церковь. Впоследствии, к сожалению, и это утешение крайне редко выпадало на их долю. В эти дни вставали очень рано и, собравшись на дворе, выходили через калитку в городской сад, который проходили между двух шпалер солдат. Затем в пустой церкви, едва освещенной несколькими свечами, мы присутствовали за ранней литургией, на которую строго было запрещено допускать народ. Мне часто приходилось, идя в церковь или на обратном пути, видеть, как люди при проходе императора крестились и падали на колени. Да и, вообще, жители Тобольска все время выказывали столь горячую привязанность, столь глубокую преданность царской семье, что для того, чтобы воспрепятствовать народу, проходя мимо дома, сняв шапку, креститься, — часто требовалось вмешательство караульных постов.

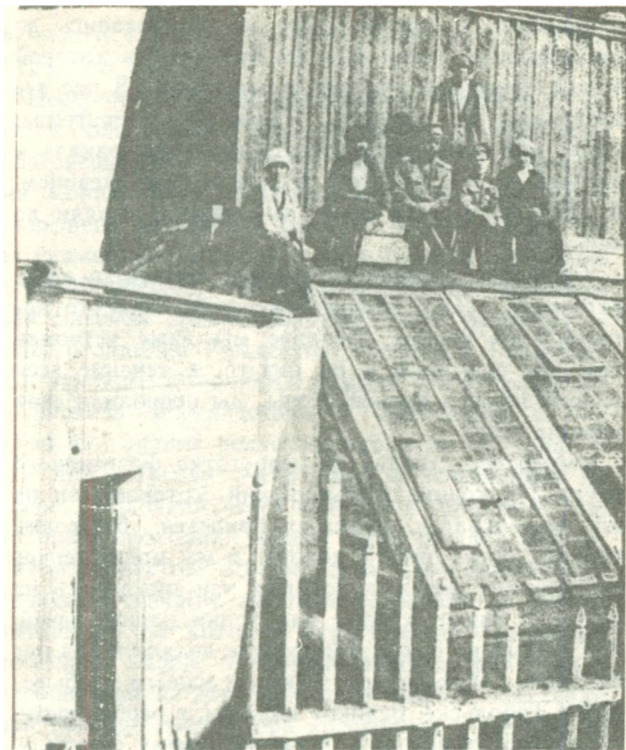
Итак, жизнь мало-помалу налаживалась, и нам удалось возобновить занятия с наследником и с двумя младшими великими князьями. Уроки

начинались с девяти часов и продолжались до одиннадцати; затем шли на прогулку, в которой всегда принимал участие и император. В час все собирались к завтраку. Только императрица, когда она себя плохо чувствовала, завтракала и обедала у себя, вместе с Алексеем Николаевичем. К двум часам мы снова выходили и гуляли до четырех.

Когда дни сделались холоднее, мы стали забираться на крышу оранжереи, чтобы немного погреться на солнце. Позднее мы даже устроили там две скамейки и на них-то, в течение всей долгой зимы и ранней весны, мы проводили свои лучшие часы.

Император страдал от недостатка физического труда. Полковник Кобылинский, которому он на это пожаловался, приказал привезти березовые стволы, купил пилы и топоры, и мы могли теперь заготавливать дрова, в которых так нуждались на кухне, а также в доме для топки наших печей. Эта работа на открытом воздухе являлась для нас большим развлечением за время нашего пребывания в Тобольске. Великие княжны, в особенности, горячо пристрастились к этому новому спорту.

После чая возобновлялись уроки и оканчивались к половине седьмого вечера. В половине восьмого обедали, а пить послеобеденный кофе поднимались в большой зал. Мы все были приглашены проводить вечера в кругу царской семьи, и вскоре это вошло в привычку для большинства из нас. Устраивали игры и всячески старались найти способ рассеять как-нибудь узников в тя-

На крыше оранжереи

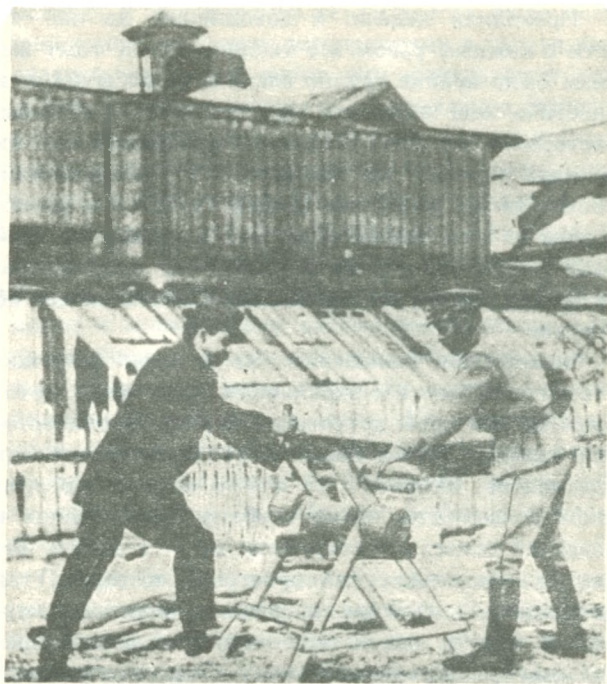
Тобольск. На крыше оранжереи, где царская семья любила сидеть и греться на солнце. Слева направо: великие княжны Ольга, Анастасия, Государь, царевич Алексей, Татьяна Николаевна. Стоит вел. кн. Мария.

желом однообразии их жизни. Когда настали большие морозы, зал от холода стал нежилым, и мы нашли себе пристанище в соседней комнате — в гостиной государыни, представлявшей во всем доме единственный уютный уголок. Император часто читал вслух, в то время как великие княжны работали над каким-нибудь рукодельем или же играли с нами. Императрица обыкновенно играла одну или две партии в безик с генералом Татищевым, а затем бралась, в свою очередь, за работу или же лежала, вытянувшись, на кресле. И вот в такой-то мирной, чисто семейной обстановке мы проводили долгие зимние вечера, как бы затерянные в необъятных даях Сибири.

Одним из самых больших лишений за время жизни в Тобольске было почти полное отсутствие всяких известий. Письма доходили до нас крайне неправильно и с огромным опозданием. Что же касается газет, то нам приходилось довольствоваться дрянным местным листком, печатавшимся на оберточной бумаге и дававшим лишь старые телеграммы с опозданием на несколько дней, — да и те чаще всего появлялись здесь в искаженном и урезанном виде. Император с тревогой следил за развертывавшимися в России событиями. Он видел, что страна стремительно идет к своей гибели. Был миг, когда у него промелькнул снова луч надежды, — это в то время, когда генерал Корнилов предложил Керенскому идти на Петроград, чтобы положить конец большевистской агитации, становившейся со дня на день все более угрожающей. Безмерна была печаль ца-

ря, когда временное правительство отклонило и эту последнюю попытку к спасению родины. Он прекрасно понимал, что это было единственное еще средство избежать неминуемой катастрофы. Тогда я в первый раз услышал от государя раскаяние в своем отречении. Ведь он принял это решение лишь в надежде, что желавшие его удаления сумеют все же продолжать с честью войну и не погубят дела спасения России. Он боялся тогда, чтобы его отказ подписать отречение не повел к гражданской войне в виду неприятеля. Царь не хотел, чтобы из-за него была пролита хоть капля русской крови. Но вот спустя самый короткий срок, вслед за удалением царя появились Ленин и его спутники — несомненные наемные немецкие агенты, — и их преступная пропаганда развалила армию и вконец растлила страну. Императору мучительно было видеть теперь бесплодность своей жертвы и сознавать, что, имея ввиду тогда лишь благо родины, — он принес ей вред своим отречением. Эта мысль, все чаще приходя в голову государя, все больше его угнетала, и впоследствии ей суждено было сделаться причиной его глубокой душевной тоски и нравственного страдания.

15 ноября мы узнали, что временное правительство было свергнуто, и что большевики захватили власть. Но это обстоятельство не отразилось непосредственно на нашей жизни, и только через несколько месяцев там надумали заняться нами.

Государь и Жильяр за пилкой дров

Тобольск. Государь и Жильяр за пилкой дров перед оранжереей, на которой в конце зимы они построили 2 скамейки, чтобы весной всем было удобней сидеть на солнце.

Проходили недели, и доходившие до нас вести с каждым разом все ухудшались. К тому же, нам было крайне трудно следить за событиями и постичь всю важность их, так как те данные, которыми мы располагали, не позволяли нам ни понять причин, ни рассчитать их последствий. Ведь мы же были так далеко от всего и разобщены со всем миром. Если нам и удавалось иной раз узнать что-нибудь из того, что происходило в России, то все же мы не знали почти ничего об Европе.

Между тем, большевизм начал свою разрушительную работу и в охранявшем нас отряде, который до той поры достаточно хорошо противостоял заразе. Стража наша состояла из различных элементов; солдаты 1-го и 4-го полков в огромном большинстве были глубоко расположены к царской семье, в особенности же — к детям. Великие княжны, с той простотой, которая так очаровывала, любили говорить с солдатами, чувствуя, что те, как и они сами, всей душой привязаны к дорогому прошлому. Они расспрашивали их о семье, о родной деревне или же о тех сражениях, в которых они участвовали во время великой войны. Алексей Николаевич, который остался для них «наследником», также привлекал к себе всецело их сердца, и солдаты старались всячески доставить ему удовольствие, изоощряясь в изобретении для него развлечений. Одно отделение 4-го полка, составленное почти исключительно из солдат старых сроков службы, особенно выделялось своей исключительной предан-

ностью, и для царской семьи всегда было большой радостью видеть вступающими в караул этих славных солдат. В такие дни император и дети отправлялись потихоньку в караульное помещение и там беседовали или играли в шашки с солдатами; последние же, все без исключения, оставались в этих случаях безупречно выдержанными и строго дисциплинированными. Однажды их застал там комиссар Панкратов, — войдя в караульное помещение, он остолбенел от неожиданности и в изумлении рассматривал сквозь очки представившееся ему зрелище. Император, видя его смущение и замешательство, сделал ему знак подойти и присесть к столу. Но комиссар, по видимому, почувствовал себя здесь не на месте: он пробормотал невнятно несколько слов и, круто повернувшись на каблуках, выбежал ошеломленный.

Панкратов, как я уже сказал, казался весь пропитанным своими сектантскими, гуманитарными принципами, и был человек незлой. Со дня своего приезда он организовал с солдатами занятия, на которых посвящал их в либеральные доктрины и всячески старался развить в них патриотизм и гражданские добродетели. Но все его усилия в этом направлении привели только к обратному: несмотря на то, что он был убежденный противник большевизма, — своей работой он подготовил почву и, не отдавая себе в том отчета, способствовал успеху большевистских идей. И ему же самому пришлось стать их жертвой.

Солдаты 2-го полка заметно выделялись своим революционным направлением; уже в Царском Селе они причинили нам много неприятностей. После большевистского переворота эти люди сразу обнаглели, особенно после того, как им удалось добиться образования «солдатского комитета», старавшегося внести в наш тюремный режим как можно больше стеснений и стремившегося заменить власть полковника Кобылинского своей «комитетской». Комитет этот сразу дал нам яркий образец своего недоброжелательства по случаю приезда в Тобольск баронессы Буксгевден (в конце декабря по старому стилю.). Баронесса разделяла наше заключение в Царском Селе, и только состояние здоровья помешало ей сразу поехать с нами. Но лишь только она поправилась, приехала с разрешения Керенского к нам, чтобы быть при государыне. Солдатский комитет наотрез отказал в разрешении допустить баронессу Буксгевден в наш дом, и она принуждена была поселиться в городе. Это издевательство комитета глубоко огорчило императрицу и всю царскую семью, ждавшую с большим нетерпением этого приезда.

Так мы дожили до Рождественских праздников.

Уже задолго императрица и великие княжны целыми неделями собственноручно готовили подарки к Святкам для каждого из нас и для всей прислуги. Императрица раздала нам много шерстяных фуфаяк, которые сама связала, чтобы проявлением трогательного внимания выразить

свою признательность тем, кто остался до конца с ними.

24 дек./6 янв. священник отслужил в доме все-нощную, после чего все собрались в большом зале... И как велика была радость детей поднести каждому из нас предназначенный ему «сюрприз». Мы чувствовали, что составляли все одну большую семью и старались забыть на время все, что пришлось пережить тяжелого, чтобы искренно, всем сердцем насладиться этими светлыми минутами задушевной близости. На следующий день мы отправились в церковь. По приказанию священника диакон провозгласил «многолетие» царской семье. Это было безрассудством, так как могло лишь навлечь на священника возмездие со стороны солдатских комитетов. И действительно, они потребовали под угрозой смерти отрешения священника. Это омрачило наше светлое, праздничное настроение.

Начиная с 1/14 января 1918 года, я снова принялся за свой дневник, который забросил со времени нашего отъезда в Тобольск. Я приведу здесь несколько выдержек из него, как сделал это, описывая наше царскосельское заключение.

Понедельник, 14-го января. (1-ое января старого стиля). Сегодня утром мы ходили в церковь, где в первый раз служил новый священник, так как отец Василий, виновник провозглашения многолетия, архиепископом Гермогеном заточен в Абалатский монастырь.

Среда, 16-января. В два часа пополудни состоялось объединенное собрание гарнизонного сол-

датского комитета, которое решило большинством 100 голосов против 85 запретить ношение погон офицерам и солдатам.

Четверг, 17-го января. Сегодня утром полковник Кобылинский пришел в штатском, настолько ему противно носить офицерскую форму без погон.

Пятница, 18-го января. Священник и певчие, заместившие певших у нас раньше четырех монахинь, пришли в три часа. Сегодня — водосвятие, и новый батюшка в первый раз служит в доме. Когда очередь подойти к кресту дошла до Алексея Николаевича, и он к нему приложился, священник, нагнувшись, поцеловал его в лоб. После обеда генерал Татищев и князь Долгоруков подходят к императору и умоляют его снять погоны во избежание насилия со стороны солдат. В государе чувствуется глубокое возмущение и внутренняя борьба; затем он обменивается взглядом и несколькими словами с императрицей... снова вполне овладевает собой и молча покоряется.

Суббота, 19-го января. Сегодня утром мы ходили в церковь. Император надел бурку, которая носится всегда без погон. Что касается Алексея Николаевича, то он спрятал свои погоны под башлыком. Императрица сказала мне сегодня, что император и она приглашают меня впредь оставаться к вечернему чаю. Поэтому я находился наверху до десяти часов, когда великие княжны ушли к себе. Алексей Николаевич ложился всегда в девять часов.

К вечернему чаю, который императрица сама разливала, обыкновенно оставались графиня Гендрикова, генерал Татищев, князь Долгоруков, а когда позволяли их занятия, — то и г-жа Шнейдер и доктор Боткин. Эти часы, проведенные в безыскусственной, откровенной беседе, в тесном кругу близких друг к другу людей, дали мне возможность постигнуть все богатство душевных качеств, всю безграничную доброту императора и императрицы; красота и величие их души трогали глубоко.

Теперь я один лишь остался в живых из всех тех, кто бывал на этих вечерних чаях в Тобольске.

Понедельник, 21 января. За ночь выпал глубокий снег. Мы начали строить «ледяную гору».

Пятница, 25 января. (12 января по старому стилю). День тезоименитства Татьяны Николаевны. Молебен в доме. Прекрасный, солнечный зимний день, — 15° . Продолжаем, как и в предыдущие дни, строить нашу ледяную гору; солдаты из караула приходили помогать нам.

Среда, 30 января. Сегодня в карауле — наше хорошее отделение 4 полка. Император и дети ходили к солдатам в караульное помещение.

Суббота, 2 февраля. Князь Долгоруков и я полили сегодня гору. Мы натаскали тридцать ведер. Было так холодно (23°R), что вода замерзала по дороге от кухонного крана к горе. И ведра, и гора «курились» паром. С завтрашнего дня дети смогут кататься с горы.

Понедельник, 4 февраля. — Говорят, что термометр эту ночь опустился ниже — 30°R . Ужас-

ный ветер. В спальне великих княжен, где они помещаются вчетвером, — настоящий ледник.

Среда, 6 февраля. По почину 2 полка солдаты решили, что комиссар Панкратов и его помощник Никольский должны оставить свои посты.

Пятница, 8 февраля. Солдаты решили заместить Панкратова большевистским комиссаром, которого должны прислать из Москвы. Дела все более и более портятся. Оказывается, что уже прекратилось состояние войны между советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австрией и Болгарией, с другой. Армия растаяла, но мир Лениным и Троцким все еще не подписан.

Среда, 13 февраля. Император сообщил мне, что вследствие демобилизации армии многие сроки службы распущены. Все старые — лучшие — солдаты скоро нас покинут. Император, по-видимому, озабочен: эта перемена может иметь для нас крайне печальные последствия.

Пятница, 15 февраля. Часть солдат уже разъехалась. Они приходили потихоньку проститься с царской семьей. За вечерним чаем ген. Татищев чистосердечно выразил свое восхищение той задушевной семейной жизнью, которая объединяла императора, императрицу и детей, — в чем он теперь воочию убедился. Государь взглянул, улыбаясь, на императрицу. «Ты слышишь, — сказал он, — что сейчас сказал Татищев». Потом с обычной своей добротой и не без оттенка иронии он добавил: «Если и вы, Татищев, будучи моим генерал-адъютантом и имея столько случаев быть хорошо осведомленным, все же так плохо нас

Боткин

Евгений Сергеевич

В. Ф. Боткин

Колесов

Григорий

Колесов Григорий
Генерал-майор

Верные друзья
семьи Государя

Свита, следовавшая с царской семьей в Тобольск. Верхний ряд (слева направо) ген.-адъют. Илья Леонидович Татищев, Петр Андреевич Жильяр, гофм. ген. кн. Василий Александрович Долгоруков. Нижний ряд: гоф.-лектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, фрейлина граф. Анастасия Васильевна Гендрикова. Лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин. Сентябрь 1917 г.

знали, — как же вы хотите, чтобы мы с императрицей обижались на то, что о нас пишут в газетах».

Среда, 20 февраля. Император сообщил мне, что немцы взяли Ревель, Ровно и т. д., и что они продолжают продвигаться по всему фронту. Видно, как он глубоко опечален.

Понедельник, 25 февраля. Полковник Кобылинский получил телеграмму, оповещающую его, что, начиная с 1-го марта, «Николай Романов и его семья должны быть переведены на солдатский паек, и что каждый член семьи может получать 600 рублей в месяц за счет процентов с личного их состояния». До настоящего времени все издержки оплачивались государством, теперь же придется вести все наше хозяйство на 4200 рублей в месяц.

Вторник, 26 февраля. Императрица просила меня помочь ей вести счета и установить смету расходов. У ней осталась кой-какая экономия, которую она сделала из денег, отпущенных на ее гардероб.

Среда, 27 февраля. Император, шутя, объявил нам, что, раз уже так пошло, что все назначают комиссии, то и он решил составить комитет для вершения дел нашей коммуны. Комитет этот будет состоять из генерала Татищева, князя Долгорукова и меня. И вот мы «заседали» сегодня днем и пришли к заключению, что надобно сократить наш штат прислуги. От этой грустной необходимости невольно щемит сердце: придется уволить десять человек прислуги, из коих мно-

гие привезли с собой в Тобольск свои семьи. Когда мы докладываем об этом решении государю и государыне, мы видим, какое глубокое огорчение оно им причиняет: им слишком тяжело расставаться с слугами, которые могут быть доведены до полной нищеты за свою преданность.

Пятница, 1 марта. Вступил в силу новый режим. Начиная с сегодняшнего дня, масло и кофе исключены с нашего стола, как предметы роскоши.

Понедельник, 4 марта. Солдатский комитет решил разрушить гору, которую мы выстроили (а это было такое большое развлечение для детей), — за то, что император и императрица взошли на гору, чтобы хоть издали присутствовать при отъезде солдат 4 полка. Теперь с каждым днем все новые притеснения ложатся на приближенных к царю лиц, точно так же, как и на царскую семью. Уже давно мы не можем выйти из дома иначе, как в сопровождении солдата; вероятно, нас скоро лишат и этой последней тени свободы.

Вторник, 5 марта. Солдаты пришли вчера вечером, как злодеи, — хотя они, видимо, чувствовали, что делают низость, — и, разбив нашу гору кирками, снесли ее. Дети — в отчаянии.

Пятница, 15 марта. Жители города, когда до них дошли слухи о нашем положении, всеми возможными способами стараются доставить нам яйца, сладости, пирожное.

Воскресенье, 17 марта. Разгар масляницы. В городе все веселятся. Под окнами мчатся взад и

вперед сани; неумолчный шум колокольчиков, бубенцов, гармоника, песен... Дети начинают тосковать: они, словно в клетке, бродят по двору, тесно обнесенному высокими, наглухо сколоченными досками. С тех пор, как разнесли их гору, единственное развлечение детей — пилить и колоть дрова.

Наглость зазнавшихся солдат превосходит все, что только можно себе представить. Всех уехавших заместили молодежь, невообразимо распушенной и разгульной. Государь и государыня, несмотря на растущие со дня на день неприятности, все же надеются, что найдутся между оставшимися верными хоть несколько человек, которые попытаются их освободить. Никогда еще обстоятельства не складывались более благоприятно для побега, чем теперь.

Ведь при участии полковника Кобылинского, на которое в этом деле заранее можно с уверенностью рассчитывать, так легко обмануть бдительность наших тюремщиков, особенно если принять во внимание, что эти люди, совершенно распустившиеся, крайне халатно несут службу. Достаточно всего нескольких стойких сильных духом людей, которые бы планомерно и решительно вели дело извне. Мы уже неоднократно предпринимали шаги в этом направлении по отношению к императору, настаивая, чтобы он держался наготове на случай ожидаемой возможности. Он ставит здесь два условия, сильно усложняющие дело: он ни в коем случае не может до-

пустить, чтобы семья разлучилась и чтобы пришлось покинуть территорию России.

Императрица мне уже говорила раз по этому поводу: «Ни за что на свете я не хотела бы покинуть страну. Мне кажется что если бы нам пришлось уехать за границу, то порвалось бы последнее звено, связывающее нас с прошлым, и тогда это прошлое, я чувствую, умрет без возврата».

Понедельник, 18-го марта. Царская семья, согласно обычаю, приступает к говению в течение наступающей первой недели Великого поста. Церковные службы утром и вечером. Так как певчие всю эту неделю заняты и не могут приходить, то императрица и великие княжны поют вместе с диаконом.

Вторник, 19-го марта. После завтрака зашел разговор о Брест-Литовском договоре, недавно подписанном. Император по этому поводу выразился так: «Это — позор для России и равняется самоубийству. Никогда бы я раньше не поверил, что император Вильгельм и германское правительство могут унизиться до пожатия рук этим грязным людям, предавшим свою родину. Но я уверен, что это не принесет им счастья: не таким способом спасают свою страну от гибели».

Когда немного спустя князь Долгоруков заговорил о том, что, по газетным сообщениям, в договоре есть статья, согласно которой германцы требуют, чтобы царская семья была выдана им целой и невредимой, — император воскликнул: «если это — не маневр с их стороны, чтобы меня дискредитировать в глазах народа, то этим, во

всяком случае, они наносят мне оскорбление». А императрица вполголоса добавила: «После всего, что они сделали государю, я предпочитаю умереть в России, чем быть спасенной немцами».

Пятница, 22-го марта. После вечерней службы все исповедались: дети, прислуга, свита и, наконец, государь и государыня.

Суббота, 23-го марта. Сегодня утром в половине восьмого пошли в церковь. Таинство Святого Причащения.

Вторник, 26-го марта. Из Омска прибыл отряд красных силою больше 100 человек; в тобольском гарнизоне это первые солдаты-большевики. У нас отнята последняя надежда на побег. Но государыня говорит мне, что у нее есть причина думать, что среди этих солдат много бывших офицеров. Равным образом она утверждает, не указывая точно, откуда она это знает, что в Тюмени собралось 300 офицеров.

Вторник, 9-го апреля. Большевистский комиссар, прибывший с отрядом из Омска, потребовал, чтобы его впустили осмотреть дом. Солдаты нашего караула отказались. Полковник Кобылинский очень беспокоится, так как его пугает возможность столкновения. Приняты меры предосторожности: патрули, удвоенные посты. Проводим очень тревожную ночь.

Среда, 10 апреля. Собрание всего нашего караульного отряда. Во время заседания большевистский комиссар предъявляет документы, доказывающие его полномочия. Ему дано право расстрелять в двадцать четыре часа и без суда

всех тех, кто воспротивится его приказу. Ему позволяют войти в дом.

Пятница, 12-го апреля. Алексей Николаевич остался в кровати, так как он чувствует со вчерашнего дня сильную боль в паху — следствие напряжения. Он себя так хорошо чувствовал всю эту зиму. Только бы с ним не было ничего серьезного! — Сегодня вернулся из Москвы посланный туда солдат от нашего отряда. Он вручил полковнику Кобылинскому бумагу от центрального исполнительного комитета, предписывающую перевести нас на еще более строгий режим. Генерал Татищев, князь Долгоруков и графиня Гендрикова должны быть переведены в наш дом и рассматриваться как арестованные. Сообщают также об ожидаемом на днях прибытии комиссара с исключительными полномочиями, который приведет с собой пополнение солдат.

Суббота, 13-го апреля. Все обитатели корниловского дома: графиня Гендрикова, г-жа Шнейдер, генерал Татищев, князь Долгоруков и присоединившийся к нам в Тобольске в сентябре мой английский коллега м-р Жиббс — все переезжают к нам. Только доктора Боткин и Деревенко оставлены на свободе. Боли у Алексея Николаевича со вчерашнего дня еще усилились.

Понедельник, 14-го апреля. Алексей Николаевич сильно страдал вчера и сегодня. Это — один из больших приступов гемофилии.

Вторник, 15-го апреля. Полковник Кобылинский, караульный офицер и несколько солдат приходили делать обыск в доме. У императора ото-

брали кинжал, который он носил при казачьей форме.

Понедельник, 22-го апреля. Сегодня прибыл московский комиссар с небольшим отрядом; его фамилия — Яковлев. Все тревожатся, томятся. В приезде комиссара чувствуется угроза, хотя пока неопределенная, но все же реальная.

Вторник, 23-го апреля. В одиннадцать часов является комиссар Яковлев. Он обходит весь дом, затем заходит к императору и с ним идет к Алексею Николаевичу; наследник все эти дни в постели. Спустя некоторое время Яковлев снова является со своим помощником и вторично заходит к Алексею Николаевичу; он хотел, чтобы и его помощник также засвидетельствовал, что наследник действительно болен. Уходя, он спросил у коменданта, много ли с нами вещей. Не значит ли это, что дело близится к отъезду.

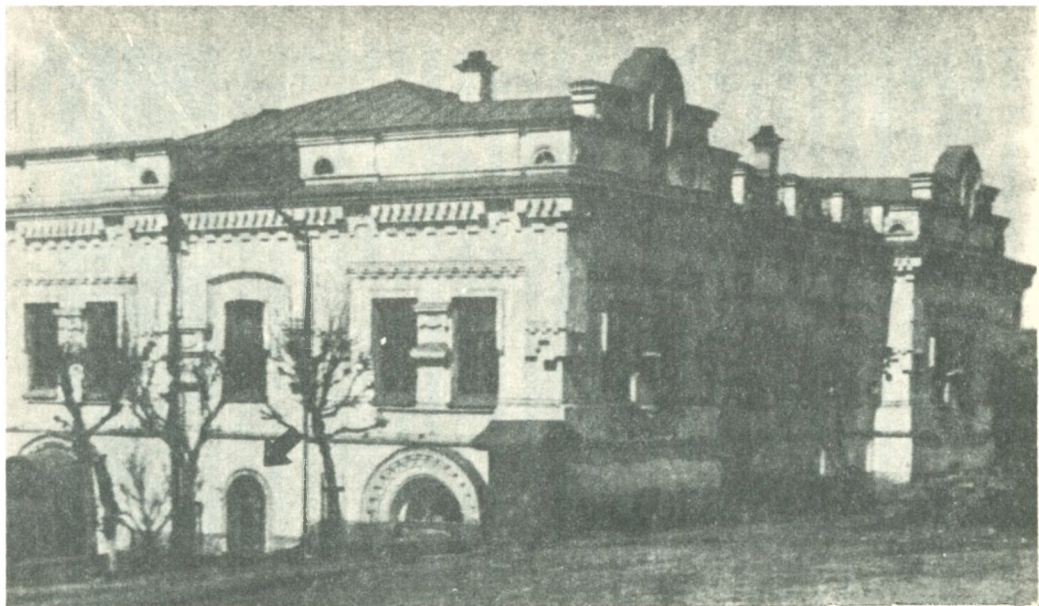
Среда, 24-го апреля. Мы все крайне истомились. У нас такое чувство, словно мы забыты всеми, брошены на полный произвол этого человека. Возможно ли, чтобы никто не сделал ни малейшей попытки спасти царскую семью? Где же те, кто остался верен императору? Почему они медлят?

Четверг, 25-го апреля. Около трех часов дня я столкнулся в коридоре с двумя слугами, громко рыдавшими. Они говорят мне, что Яковлев заходил объявить императору, что он его увозит. Что же, наконец, происходит? Я не решаюсь подняться наверх, пока меня не позовут, и возвращаюсь к себе. Минуту спустя Татьяна Николаевна стучит в мою дверь. Она, вся в слезах, говорит

мне, что государыня меня просит. Я иду за ней. Императрица одна, крайне взволнована. Она подтверждает мне, что Яковлев прислан из Москвы с целью увезти императора, и что отъезд назначен на эту ночь. «Он уверяет, — говорит она мне, — что с императором не случится ничего дурного, и что, если кто хочет сопровождать его, — не будет препятствовать. Я не могу допустить, чтобы император уехал один. Опять его хотят отделить от семьи, как тогда... Хотят вынудить его на неправильный шаг, угрожая жизни близких... Император им необходим: они понимают, что он один представляет Россию... Вдвоем нам будет легче бороться, и я должна быть около него в этом испытании... Но наследник еще так плох. А если вдруг случится осложнение? Господи, как все это мучительно! Первый раз за всю мою жизнь я положительно не знаю, что мне делать. Раньше, когда мне приходилось принимать какое-либо решение, я всегда чувствовала вдохновение, а теперь я не чувствую ничего! Но Бог не допустит этого отъезда; отъезд не может, не должен состояться! Я уверена, что сегодня ночью тронется лед!»

Во время ледохода несколько дней нельзя было переправляться через реку; приходилось ждать, пока снова будет возможность поставить паром.

Татьяна Николаевна возразила: «Но, мама, надо же что-нибудь решить на случай, если папе все же придется уехать...» Я поддержал Татьяну Николаевну, успокаивая, что Алексею Николаевичу теперь лучше, и что мы здесь всячески позаботимся о нем. Чувствовалось, что императрица муча-

Дом Ипатьева в Екатеринбурге

Дом Ипатьева в Екатеринбурге. Окно комнаты нижнего этажа, в которой совершилось убийство, обозначено стрелой. Над ним комната великих княжен. Четыре парных угловых окна верхнего этажа — комната императорской четы и наследника.

ется в нерешительности: она ходила по комнате, продолжая говорить, но обращалась скорее к самой себе, чем к нам. Наконец, она подошла ко мне и сказала: «Да, так будет лучше: я еду с императором. Алексея я вверю вам...»

Минуту спустя вошел государь. Императрица бросилась к нему, говоря: «Решено, я еду с тобой, и с нами поедет Мария». Государь ответил: «Хорошо, если ты этого непременно хочешь».

Я спустился к себе, и весь день прошел в приготовлениях. Князь Долгоруков и доктор Боткин будут сопутствовать их величествам, а также Чемодуров (камердинер императора), Анна Демидова (горничная императрицы) и Седнев (слуга великих княжен). Восемь офицеров и солдат нашего караула будут их сопровождать.

Царская семья прошла к Алексею Николаевичу и до вечера не отходила от его кровати. Вечером в 10¹/₂ часов мы поднимаемся пить чай. Императрица сидит на диване между двумя дочерьми. Они так много плакали, что их лица распухли от слез. Каждый из нас старается скрыть свое горе и силится казаться спокойным. Император и императрица спокойны и сосредоточены. Чувствуется, что они готовы на все жертвы и не задумаются отдать свою жизнь за спасение родины, если Бог в своих неисповедимых путях того потребует. По отношению к нам, остающимся, они высказывают еще больше безграничной доброты и трогательной заботливости, чем когда бы то ни было.

То величественное, сияющее внутренним светом спокойствие, та чудесная вера, которыми проникнута царская чета, — распространяются и на нас.

В 11^{1/2} часов прислуга собирается в большом зале. Государь, государыня и Мария Николаевна прощаются с ними. Император целуется со всеми мужчинами, императрица — со всеми женщинами. Почти все плачут.

Около 4 часов утра во двор въезжают экипажи. Это — ужасные местные «тарантасы» — крестьянские повозки, состоящие из большой плетеной корзины на двух длинных жердях, заменяющих рессоры. Только одна из повозок — крытая. Мы находим на дворе немного соломы и постилаем ее на дно повозок, чтобы устроить сиденье. Кладем тюфяк в экипаж, предназначенный для императрицы. В четыре часа мы поднимаемся к их величествам, которые в эту минуту выходят из комнаты Алексея Николаевича. Император, императрица и Мария Николаевна прощаются с нами. Императрица и великие княжны плачут, государь кажется совершенно спокойным и для каждого из нас находит бодрящее слово. Он нас обнимает и целует, а императрица, прощаясь со мной, просит не спускаться с нами во двор, а остаться около Алексея Николаевича. Я иду к ребенку, который горько плачет в своей постели. Немного погодя мы слышим шум отъезжающих экипажей. Великие княжны проходят, рыдая, мимо комнаты брата.

Суббота, 27 апреля. Возница, доvezший императрицу до первой подставы, вернулся и привез записку от Марии Николаевны: дороги разбиты, условия путешествия ужасны. Как-то это выдержит императрица? Сможет ли она перенести переезд? Как здесь томительно тянется время в тоскливых думах о них!

Воскресенье, 28 апреля. Полковник Кобылинский получил телеграмму, сообщающую, что все прибыли благополучно в Тюмень в субботу вечером. В большом зале поставили походную церковь; священнику можно будет отслужить обедню, так как теперь есть антиминос. Вечером приходит вторая телеграмма, посланная после отъезда из Тюмени: «Едем в хороших условиях. Как здоровье Алексея? Господь с вами!»

Понедельник, 29 апреля. Дети получили из Тюмени письмо императрицы. Путешествие было тяжелое. На переправах через реки вода лошадям по грудь. Беспрепятственно ломались колеса.

Среда, 1-го мая. Алексей Николаевич встал. Нагорный донес его до кресла на роликах, в котором мы катали его по двору.

Четверг, 2-го мая. Все еще никаких известий с тех пор, как они покинули Тюмень. Где они? В Москву они могли бы прибыть уже во вторник.

Пятница, 3 мая. Полковник Кобылинский получил телеграмму, сообщающую, что они остановились в Екатеринбурге. Что-то произошло?

Суббота, 4-го мая. Грустный канун Пасхи. Все подавлены.

Воскресенье, 5-го мая. Пасха. Все еще нет известий.

Вторник, 7-го мая. Дети, наконец, получили письмо из Екатеринбурга: пишут, что все здоровы, но не объясняют, почему остановились в этом городе. Столько томительной тревоги чувствуется между строк!

Среда, 8 мая. Сопровождавшие государя офицеры и солдаты нашего караульного отряда вернулись из Екатеринбурга. Они рассказывают, что поезд, привезший императора, по прибытии в Екатеринбург был окружен красногвардейцами, и что государь, государыня и Мария Николаевна содержатся под арестом в Ипатьевском доме; князь Долгоруков — в тюрьме.

Суббота, 11 мая. Полковник Кобылинский отстранен, и мы зависим всецело от тобольского совета.

Пятница, 17 мая. Солдаты нашего караульного отряда заменены красногвардейцами, привезенными из Екатеринбурга комиссаром Родионовым; этот последний приехал за нами. Мне и генералу Татищеву чувствуется, что следовало бы возможно дольше отсрочить наш отъезд; но великие княжны так рвутся увидеться скорей с родителями, что мы не решаемся идти против их горячего желания.

Суббота, 18 мая. Всенощная. Священник и монахини были раздеты и обысканы по приказу комиссара.

Воскресенье, 19 мая. День рождения государя. Наш отъезд назначен на завтра. Комиссар отка-

зал в пропуске священнику; он запрещает великим княжнам запираеть на ночь дверь своей комнаты.

Понедельник, 20 мая. В 11^{1/2} час. мы покидаем дом и садимся на тот же пароход «Русь», который восемь месяцев тому назад привез нас в Тобольск. Баронесса Буксгевден, получившая разрешение выехать тоже, присоединилась к нам на пароходе. Отходим от Тобольска в пять часов. Комиссар Родионов запирает наследника вместе с Нагорным в каюте. Мы протестуем: ребенок болен, и доктор должен иметь возможность в любую минуту свободно входить к нему.

Среда, 22 мая. Утром прибыли в Тюмень и спустя несколько часов по железной дороге отбываем в Екатеринбург.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последовавшие затем события в Екатеринбурге известны: я их изложил в первой главе.

Екатеринбург для меня — место разлуки, скорбной и жестокой; для них — он место завершения долгого крестного пути, жизни, полной горького разочарования, и отход от нее в вечность.

...В России еще горят два очага, откуда в беспросветной ночи ярко светит пламя верности. Это, с одной стороны, — небольшая по численности, но сильная духом южная армия добровольцев, которая самоотверженно сопротивляется советским бандам, вдохновляемым германцами, с другой же стороны — император Николай II, за дощатой оградой своей тюрьмы, также стоит до конца за Россию. Поддерживаемый императрицей, он отверг все предложения немцев. Ему уже нечем жертвовать, кроме своей жизни, и он лучше готов отдать ее, чем примириться с теми, кто погубил Россию и отнял ее честь. И вот смерть приходит... Но и смерть не в силах разлучить тех, кого так неразрывно связала жизнь: она уносит одновременно всех семерых, объединенных одной несокрушимой верой и пламенной любовью.

Я сознаю, что события говорят сами за себя. Все, что бы ни сказал я, в порыве охватившего меня волнения, при воспоминании о тех полных скорби днях, могло бы показаться слабым и неу-

Последняя фотография Государя Николая II

Последняя фотография императора Николая II. Снимок этот сделан одним из красноармейцев, состоявшим в охране царской семьи, за несколько дней до убийства. После убийства, боясь держать у себя снимок, он подарил его германскому военнопленному, который, в свою очередь, передал его пастору, бывшему духовником германских военнопленных Екатеринбургского района.

местным в сравнении с потрясающим значением фактов.

Но я выскажу только свое убеждение: не может быть, чтобы те, которых я описал, напрасно пролили свою кровь. Не знаю, ни когда это будет, ни как совершится, но настанет день, — и это без всякого сомнения, — когда достигшая крайнего предела жестокость, точно сама истекая кровью, ужаснет человечество... Тогда в воспоминании об этих жертвах человечество найдет непреодолимую силу для своего возрождения.

Как бы глубоко ни возмущалось сердце, как бы громко оно ни взывало к мщению, — было бы оскорблением их памяти желать, чтобы кровью была искуплена их чистая кровь.

Император и императрица думали, что они умирают за отчизну. Они умерли за все человечество. Их истинное величие не в императорском достоинстве, но в достижении высших человеческих добродетелей, до которых они постепенно возвысились. Они стали духовно совершенны; это дало им не земную, преходящую силу, но чудесную твердость и ясность души древнехристианских светочей, против которых бессильна людская злоба, и которые торжествуют в самой смерти.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Со времени убийства царской семьи прошло больше полувека. Но не все итоги подведены, и не все выводы сделаны. И, перепечатывая несколько глав из скромных записок Пьера Жильяра, нам хочется прибавить к ним траурную статью поэта и литературного критика Георгия Адамовича, написанную в 1968 году по просьбе редактора «Русской мысли» С. А. Водова к 50-летней годовщине екатеринбургского злодеяния.

Р е д.

ЦАРЕУБИЙСТВО

Есть у славянофила Хомякова замечательное стихотворение обо всем том темном, бесчеловечном и ужасном, чем на протяжении столетий отмечена была наша история, — впрочем, как и история других народов, других стран. К концу стихотворения Хомяков дважды или трижды обращается к соотечественникам с призывом молить Бога «чтоб Он простил, чтоб Он простил».

День 17-го июля 1918 года в нашей истории — один из самых темных, самых бесчеловечных. Вспоминать о Боге теперь в России не принято. Его существование объявлено предрассудком, недостойным людей мало-мальски образованных. Но по доходящим из России сведениям, особенно в последнее время, многие, очень многие, даже среди молодежи, готовы были бы повторить хомя-

ковскую мольбу при мысли о том, что было сделано в Екатеринбурге полвека тому назад.

Это не было политическим преступлением. Это была дикая, зверская расправа с беззащитными людьми, — и при том это было как бы громогласным провозглашением или извещением, что в России отныне «все позволено» и что для разгула мести и жестокости препятствий больше нет. Политическим преступлением и, надо добавить, огромной политической ошибкой было убийство Александра II, — ошибкой тем более горестной и трудно объяснимой, что Желябов, вдохновитель всего дела, считал себя последователем Иисуса Христа и на суде об этом сказал. Вся новейшая русская история могла бы сложиться иначе, не будь этого убийства. Екатеринбургская же трагедия была бессмысленна, бесцельна, и никакими доводами оправдать ее нельзя. «Как, всех?» — будто бы спросил в растерянности, по распространившимся в те дни слухам, один из кремлевских главарей другого, еще выше стоявшего. — «Ну, конечно, всех... в чем дело?», — с раздражением ответил тот. Это леденящее «в чем дело?» незабываемо. Именно так, именно в согласии с ним бесчеловечность стала в России государственным принципом, а понятие личной вины или невиновности было отнесено к отжившей, никчемной сентиментальности. Каляев когда-то не решился бросить бомбу в карету великого князя Сергея Александровича, увидев, что в карете находятся и дети. Немногим позже его колебания ничего, кроме усмешки, не вызвали бы.

Политические соображения, какого бы толка они ни были, не имеют, не могут иметь прямого касательства к царевубийству 17-го июля. Не к чему в траурную годовщину спорить, быди или не были у Государя Николая II данные для той роли, которая оказалась предназначена ему историей. При наличии малейшего беспристрастия человек любых политических взглядов, даже самых враждебных, должен бы признать, что Государь всей душой желал добра России и по мере сил и разума старался служить ей как можно успешнее. При наличии беспристрастия человек любых взглядов должен бы признать, что он проявил подлинное достоинство в несчастье, когда с грустью, и вероятно с удивлением, записал в дневнике: «Вокруг измена и трусость». Мог ли он предвидеть, что его ждет? Нет, едва ли, — как не предвидела ближайшего будущего и императрица Александра Федоровна, редкостно несчастная женщина, одинокая, мало в России любимая, не умевшая по своей застенчивости и замкнутости быть царицей, и все таки в гораздо большей мере чувствовавшая себя русской царицей, чем немецкой принцессой, вопреки клевете, прижизненной и посмертной. Она, как и Государь, искренне желала добра России, хотя и заблуждалась почти во всех своих предположениях, советах и действиях. Нельзя забыть их мученичества и их смерти, вместе со смертью больного, маленького царевича и юных великих княжен.

Предвижу возможное возражение: в революционные годы погибли сотни тысяч неповинных лю-

дей, отчего же придавать особое значение тем, которые в конце концов были такими же людьми, как и все другие? Совершенно верно, царь, царица и их дети были такими же людьми, как и все другие. Но по самому положению своему, и без всякого с их стороны умысла, они как бы символизировали народ и страну, находясь в фокусе всенародного зрения. Их судьба по существу мало чем отличается от судьбы других замученных и убитых людей, — и все же она отличается, возвышается над другими потому, что на всех нас возложила историческую ответственность и должна бы надолго остаться во всенародной памяти. Их убийство предстает именно как всенародный грех, а не как дело отдельных преступников.

Настанет ли день, когда в России это будет открыто признано? Настанет ли день, когда Россия, пусть и оставшаяся социалистической республикой, с содроганием вспомнит о 17-ом июля 1918 года и о пренебрежительном «в чем дело?», прозвучавшем в общем безмолвии как единственный — и ужасающий — комментарий к совершенному злодеянию? Если дня этого никогда не будет, лучше бы не быть русским.

Георгий Адамович

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Роман Редлих. Предисловие	3
I. Екатеринбургское преступление	12
II. Царь и его семья накануне революции	44
III. Отречение и Царскосельское заключение	77
IV. Тобольское заключение	98
Заключение	131
Вместо послесловия:	
Георгий Адамович. Цареубийство	135